

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

18+

Эл Ригби

#ЗАВТРА НАС ПОХОРОНЯТ

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Annotation

Мы хорошо умеем прятаться. Как сказочные чудища, выбираем самые темные уголки. Под мостами, на пустых заводах, в старых поездах. Мы не помним, что такое дом — он нам не нужен. Не помним, что такое семья — есть стая.

Был канун Рождества, когда в подарок наши родители получили смерть, а мы превратились в объект охоты. Когда нас стали бояться и заклеили особым словом — крысята. Когда мы ушли.

Это роман о холодящих кровь тайнах и приключениях диких вечно юных детей, потерянных, отчаявшихся взрослых и о самых тонких нитях человеческих чувств.

Эл Ригби

Завтра нас похоронят

Это была ночь перед Рождеством 19** года. Самый конец ночи. Помню, утром я спустилась в гостиную к елке, чтобы подсмотреть, съел ли Санта печенье и не забыл ли о моих подарках. Часы показывали 6:30 — я всегда вставала примерно в это время, а мои мама и папа — еще раньше. Им очень нравилось встречать рассвет, а особенно — зимний, но зимой он наступал позже. В нашей семье любили зиму, да и в городе ее любили. Это теперь она вызывает только страх.

В каникулы мама давала мне поспать и подольше, но в то утро я не могла долго оставаться в кровати: чувство радостного предвкушения буквально выпихивало меня из-под теплого пледа. Наверно, его можно было бы даже назвать рождественским, я его хорошо знала — это постукивание сердца и какую-то щекотку под коленками. С этим чувством вскакиваешь с постели и бежишь по ступенькам вниз, громко топая и оповещая всех, что ты уже проснулась и... И ждешь чуда. Ведь я совсем не знала, какой «подарок» ждал меня внизу.

В доме пахло индейкой и было очень светло. Мама лежала в кухне, а отец — на улице, со снегоуборочной лопатой в окоченевшей руке. Они выглядели совсем как обычно... Просто умерли. Мама даже была еще теплой из-за того, что отец успел натопить камин, чтобы я не замерзла, — он всегда так делал по утрам. Я звала их. Кричала. Потом звонила в полицию и слушала длинные гудки. Потом бежала в участок. Чтобы и там увидеть двух мертвецов в синей форме. Ночных дежурных, наверно. Они тоже еще не остыли.

С тех пор я ненавижу запах любой жареной птицы. Ненавижу до спазмов в животе, до рвоты. А еще с тех пор у меня нет дома.

Конечно, люди из правительства пытались справиться с *этим*. Иначе как *это* случившееся тогда никто не называл. Просто они осознали все довольно поздно. Да и самих их к тому моменту осталось не так много: у большинства тоже были дети. Дети, из-за которых они умерли. В ту же ночь.

Подозревали множество разных вещей — эпидемии, нашествие инопланетян, заговор вражеского режима — тогда ведь все и на всех уголках шептались о красных... Уже на второй день все трупы были вывезены, а расследование — начато. Правда, оно длится до сих пор.

Умерли мамы, папы, дедушки, бабушки и даже приемные родители. Умерли содержатели детских приютов. Умерли многие учителя в школах. *Это* не захватило только самые окраины, откуда люди сразу начали уезжать, едва увидев первые заметки в газетах. И многим удалось убежать, а потом закрыли границу. Навсегда.

Ближе к центру в живых остались лишь взрослые, у которых вообще не было детей, и мы, у кого не стало родителей... Еще небольшое число одиноких стариков. Совсем небольшое, ведь наша страна была такой благополучной...

Взрослые не сразу проследили эту связь. Они не верили, что всему виной я и мне подобные. Люди из правительства, Госпожа Президент — ее тогда только-только выбрали — пытались сделать единственное, что было в их силах, — пристроить нас в новые семьи. И многие нас жалели, удочеряли, усыновляли. Никто ничего не заподозрил, пока спустя еще несколько месяцев не умерли все те, кто решился приютить нас. Моя новая мама тоже умерла. Она работала судьей и носила парик. Больше я почти ничего про нее не помню. Кажется, у нас была кошка.

После этого мы перестали быть детьми и на страницах газет постепенно превратились в

«этих существ». Женщины стали прерывать беременности, мужчины — уходить из семей. Никто ведь не захочет жить с монстром, из-за которого умрет... да?

Говорят, в прошлые века люди во всех бедах винили колдовство и сжигали на кострах тех, кого в нем подозревали. Или вешали, топили, рубили головы. Потом люди поумнели и начали заниматься наукой — она стала им хорошим другом и помощником. Но и теперь, стоит случиться какой-нибудь необъяснимой беде, они с радостью отворачиваются от своего нового друга Науки. И призывают старых добрых друзей: Суеверия и Святую Инквизицию.

Сначала оставшиеся в живых ученые, конечно, искали болезни, мутацию или еще что-то подобное. И хотя ничего очевидного они не нашли и отпустили тех, кого исследовали, многие уже считали, что мы разносим какую-то неизвестную заразу. С нами старались меньше контактировать. Мы тоже умеем жалеть. Мы поняли, что бóльшая часть взрослых заразилась — они заразились страхом и начали охоту на ведьм. Нет, я ошибаюсь. Охоту на детей. Охоту, из-за которой от нашей страны окончательно отвернулся весь остальной мир.

Охотились на нас довольно долго, лет пять. К тому времени все мы уже привыкли к отсутствию нормальной жизни. Нас постоянно и отовсюду гнали — мы селились в заброшенных подвалах, на свалках, в лесах. Нас отстреливали — мы научились отнимать или красть оружие и стрелять в ответ. Нам не продавали в магазинах еду — мы маскировались под взрослых, чтобы ее купить. Или просто воровали, такое случалось чаще.

Сейчас войны уже нет, и нас оставили в покое. Новых детей практически не рождается. Очень мало кто решается. Даже несмотря на то, что за последние одиннадцать лет не было ни одной смерти из-за пиова — так называют всех, кто родился после той страшной ночи. А нас называют *undead-unalive*^[1] — потому, что мы не растем. Или просто крысятами — потому что почти сразу после второй волны смертей нас всех начали отлавливать и клеймить — выжигать на правом запястье между большим и указательным пальцем изображение крысы.

Взрослые живут, стараясь забыть о существовании таких существ, как дети. А мы — брошенные и нестареющие — стараемся меньше попадаться им на глаза. Некоторые иногда все же жалеют нас: дают еду или деньги — просто оставляют возле мест, где мы прячемся. Они боятся к нам прикасаться, но поддерживают хотя бы так. По мере своих сил, которых у них теперь не многим больше, чем у нас.

Итак, мое имя — Вэрди Варденга. И я стою перед главным комиссаром Городского надзорного управления Рихардом Ланном.

Часть I

Гайки, шестеренки

Ночь сегодня выдалась поганая — дождливая и холодная. Больше всего на свете ему хотелось поскорее оказаться в своей однокомнатной, пахнущей старыми обоями, квартире. Выпить пару стаканов чего-нибудь, оставшегося от старых хороших времен, и отключиться до утра. А утром вернуться и написать отчет о том, почему задержанный крысенок умер от побоев. Это было бы не так сложно, существовала ведь даже стандартная формулировка для таких случаев. «Попытка сопротивления». Кривая, косая, но работающая.

Рихард посмотрел на часы и скривился: он знал, что такому простому желанию осуществиться не дано.

Вэрди Варденга стояла перед ним, обхватив правой ладонью левое запястье. Мокрые лохмотья, бывшие когда-то спортивной толстовкой и джинсами, прилипли к ее телу, с темно-каштановых волос капала вода. Уголки ярко-алых, будто накрашенных, губ слегка подрагивали — то ли насмешливо, то ли нервно. На столе между следователем и Маленькой Разбойницей — иначе он ее про себя почти не называл — лежал кошелек.

— Снова за старое? — спросил комиссар.

Девочка спокойно кивнула. Ланн невольно остановил взгляд на ее пальцах — бледных, с отчетливо выраженными фалангами, но удивительно изящных. Как она ему осточертела. Как осточертели все *они*. Вскочив, он зарычал:

— Я тебя к чертовой матери закопаю, дрянь!

Она только чуть подняла голову. И провела языком по губам. По ярко-алым полным губам: нижняя слегка выступала вперед, придавая лицу — даже сейчас — капризный и кокетливый вид. А глаза смотрели холодно и надменно.

— Знаете, а я не против оказаться тут. У вас тепло. И вы не станете бить меня, поскольку боитесь заразиться.

Он стоял неподвижно, опершись ладонями о высокий засыпанный пеплом стол. Комиссар не отводил взгляда от решительного хмурого лица. Лица четырнадцатилетней девчонки, которая была четырнадцатилетней уже четырнадцать с половиной лет. А ее взгляд равнодушно скользил от его глаз ниже — по шее, плечам, груди. И Ланн чувствовал себя так, будто она водит по нему раскаленным прутком. Рука невольно поднялась для привычного защитного жеста — поправить собранные в хвост волосы, почти полностью седые, хотя ему было всего сорок девять лет. И в течение последних трех он почти каждый месяц хотя бы раз ловил Вэрди Варденгу на кражах. Раз за разом он отпускал ее после почти одинаковых бессмысленных диалогов.

Вэрди усмехнулась и сделала один маленький шаг вперед. Комиссар тут же опустился на свой стул и поставил локти на столешницу. Она приблизилась еще немного и склонила к плечу голову:

— Вы, видимо, устали...

— Не дыши на меня.

— Бросьте... я все же на самом деле не крыса. И не болею чумой.

— Мне все равно, чем ты болеешь. Я знаю лишь, что я этим болеть не хочу.

— Неужели вы так боитесь умереть? — Она приподняла брови и огляделась: — Вам есть за что держаться? Тут довольно тухло.

— Найдется.

— Хорошо... — Вэрди зевнула. — Я вас пощажу. Дадите кошелек?

— Забирай, — устало отозвался он.

Девочка протянула руку. Склонила голову, и мокрая прядь волос упала на лоб. Комиссар нервно закусил губу. Он молился о том, чтобы она ушла как можно скорее. Но она медлила. Взяла кошелек и постучала по столу короткими ноготками с облупленным лаком. Тихо рассмеялась:

— Мне иногда жаль вас — взрослых...

И Рихард Ланн мысленно взвыл, а вслух лишь холодно ответил:

— Мне вас тоже. Пошла вон. Немедленно.

Она некоторое время, казалось, сомневалась. Потом поднесла ладонь к губам и подула на нее:

— Пока.

Она вышла за дверь. Но комиссар почему-то не сомневался, что очень скоро вновь ее увидит.

Я шла обратно. Наш заброшенный поезд стоял на Восточной железнодорожной колее, рядом с лесополосой. С одной стороны путей было старое кладбище с покосившимися крестами, а с другой — большое озеро почти идеально круглой формы. Взрослые давно уже оставили эти места, и теперь здесь жили только мы. О временах, когда к озеру приезжали отдыхать семьями, напоминали только проржавевшие остовы летних кафе, откуда мы давно уже растащили все, что годилось для использования, и несколько прогнивших деревянных причалов, уходивших в грязную илистую глубину.

Некоторые вагоны нашего «дома» были сильно покореженными и даже без стекол, но некоторые вполне подходили для того, чтобы в них спать. Здесь временами даже бывало уютно. А засыпая, можно было представлять, что ты в дороге и куда-то едешь. Как в старые времена, когда родители возили на юг, к морю.

Из первого вагона до меня сразу донеслись требовательные визгливые крики. Этот вагон был теплее всех, и там спали *живые овощи* — так мы называли детей, которым не было еще трех лет. Выброшенных на улицу, не успевших умереть и вовремя подобранных. За ними ухаживала Маара — недоразвитая дылда с бельмом на левом глазу, внучка машиниста, который когда-то водил этот поезд. Вот и сейчас я сразу увидела ее массивную фигуру, отделившуюся от группки силуэтов, окружавших горевший неподалеку костер, — видимо, ребята пекли картошку, оставшуюся от наших скромных запасов еды. Маара боится меня как огня, она знает, что я не люблю крики. Поэтому я притворилась, что не увидела ее, и замедлила шаг, позволив дылде скрыться в темноте.

— Вэрди! — светловолосый мальчишка в продранном джинсовом комбинезоне подлетел ко мне. Лицо его было измазано золой. — Как все?

— Привет, Ал, — я потрянула кошельком перед его глазами. — Нам сегодня подвезло.

— Круто! — на секунду он просиял. Но тут же нахмурился: — Ты велела докладывать, так вот... Карвен снова плохо, она только что убежала.

Я вздохнула и направилась в хвост поезда.

— Приходи потом. Я тебе картошки оставил! — крикнул он вдогонку.

Я не обернулась и лишь ускорила шаг. Картошка была сейчас последним, что меня волновало. Хотя еще минут пятнадцать назад я просто умирала от голода.

Карвен сидела на траве, низко опустив голову. Увидев меня, она приподнялась и вымученно улыбнулась:

— Все уже в порядке. Не надо было бежать. Ты запыхалась.

Я молча села рядом и положила руку на ее спину, сразу почувствовав выпирающие лопатки. Ночная тишина мягко окутывала нас, и даже голоса ребят уже почти не доносились со стороны головы поезда. Карвен трясло. И все же она нашла силы еще раз улыбнуться и спросить:

— Ну... как господин Ланн?

— Был кроток и благодушен, как и всегда, — хмыкнула я. — Не отобрал деньги, так что завтра сможем нормально поесть.

— Здорово...

Энтузиазма в ее голосе не было. Что неудивительно для человека, которого...

Новый спазм заставил Карвен со стоном согнуться пополам. Она успела лишь бросить: «Отойди!» и резко отвернуть голову. Рука ее взметнулась к груди, точно она хотела еще сильнее продавить свою и без того впалую грудную клетку. А потом я услышала звуки рвоты. И даже в темноте отчетливо увидела, что трава окрасилась в красный цвет.

Карвен никто даже и не пытался удочерить, и большую часть времени она жила на улице. Она сразу оказалась изгоем и среди ребят — даже в нашей разбойничьей компании многие считали ее слишком странной. Во-первых, она была очень худой. То есть все мы из-за постоянного голода выглядели тощими, но даже в сравнении с нами она казалась скелетом. Скелетом с растрепанными волосами, местами поседевшими и похожими на волосы старой женщины. В сочетании с милым, почти кукольным детским личиком это выглядело пугающе.

Во-вторых, Карвен за свою жизнь прочла очень много книг и была нашим мозговым центром — логичная, строгая и аккуратная, она могла просчитать любую операцию так, чтобы она не провалилась. Если Карвен сама шла на воровство, ее никогда не заметали быки^[2] — удача любила эту девчонку больше, чем всех нас вместе взятых.

Ну и в-третьих... Карвен видела мертвых. Как и когда к ней пришла эта способность, она не говорила. Но мне казалось, именно с этим была связана непонятная болезнь, сгибавшая ее пополам.

Каждый раз, когда *это* случалось, Карвен убегала. Однажды я догнала ее... впервые увидела кровь и потом видела ее всякий раз. До дрожи боюсь вида крови. И все равно с самого первого дня я упрямо стараюсь не оставлять Карвен в такие моменты — из страха, что однажды она выблюет свою печень, сердце или еще какой-нибудь нужный орган. Хотя чем я ей в таком случае помогу...

Вокруг нас задрожал воздух, и я привычно зажмурилась. Открыв глаза, увидела, что над Карвен склонился высокий светловолосый мужчина в блестящем шлеме и красной форме, кое-где облупленной. От него исходило слабое свечение, а сквозь его голову я видела маячащий вдалеке лес. Я вздохнула: он был одним из тех, кто приходил довольно часто. Некоторые, например высокая дама в синем дождевике, являлись значительно реже, а этот был постоянным гостем... пожарный, погибший семь лет назад, как говорила Карвен... Их пальцы — живые девчоночьи и мертвые мужские — сплелись, лбы соприкоснулись... а потом призрак исчез. Я взглянула на Карвен: она улыбалась, на щеках появился слабый румянец.

— Карвен... — с дрожью в голосе позвала я.

— Теперь все хорошо, Вэрди.

Но мне не казалось, что регулярное общение с мертвецами хотя бы как-то можно обозначить словом «хорошо» — и даже то, что после этих встреч ей обычно становилось лучше, меня не успокаивало. Насколько же мне было легче от мысли, что Карвен просто чокнулась. Именно так я и считала, когда мы только познакомились. Пока сама не увидела *это*.

Карвен была для призраков помощником, хранителем, другом — черт знает кем еще, но в обмен они подпитывали ее, давали ей какие-то силы, непонятные мне. И мне совсем не хотелось знать об этом больше. Только в одном ужасно хотелось увериться, но никак не получалось, — что Карвен не умрет когда-нибудь прямо у меня на руках.

— Ты не хочешь поесть? — тихо спросила я. Она покачала головой:

— Не стоит. Я немного побуду одна, а потом лягу спать. Иди.

— Может быть, ляжешь со мной? Ночь холодная, недавно была гроза.

— Нет, Вэрди. Спасибо, но я как обычно — до снегопадов сплю тут, ты же знаешь.

Карвен жила в этом последнем, наиболее сильно пострадавшем багажном вагоне. В нем почти ничего не было, кроме толстого матраса, где она спала, магазинной тележки без колес, заменявшей ей книжный шкаф, и сломанного старого рояля, который, видимо, перевозили на этом поезде — он почему-то выпирал из покореженного вагона, и лишь половина находилась внутри. Последней достопримечательностью жилища была статуя какого-то политического деятеля, на которую Карвен вешала часть своей одежды.

— К тебе... никто больше не придет?

По интонации она поняла, что я имею в виду, и, улыбнувшись, покачала головой:

— Ты бы это почувствовала. Никто не придет. Не волнуйся. О Карвен я знала и еще одну вещь: с ней не стоит спорить.

Да и усталость давала о себе знать, снова вернулось чувство голода. Я поднялась, отряхнула джинсы и сказала:

— Зови, если что.

— Спасибо, милая.

Я уходила, точно зная, что она меня не позовет, даже если духи захотят утащить ее в преисподнюю или где они там обитают. Она никогда никого не звала.

Вэрди Варденга проскользнула мимо так быстро, что даже рыжий ирландский сеттер Спайк не успел поднять головы. Зато как только дверь узенького длинного кабинета, где сидела обычно бóльшая часть сотрудников Управления, резко захлопнулась, мирно дремавший пес подскочил на месте. Он зевнул, повертел головой, встряхнул длинными ушами и, убедившись, что опасности нет, улегся обратно. Потом его нос нервно задергался, и пес повернулся к двери, ведущей в кабинет главного комиссара.

Карл Ларккрайт, наблюдавший за ним из-за своего стола, поднялся и, подойдя, опустился рядом на корточки:

— Не надо, приятель. Рихард не в духе.

Опасения молодого человека тут же подтвердились: за дверью раздался выстрел, а потом что-то разбилось. В наступившей тишине пес тихо заскулил и поскреб лапой разошедшийся паркет. Карл нахмурился:

— Нельзя.

Спайк понуро улегся на пол. Карл встал и принялся прохаживаться по кабинету. Даже сквозь дверь он чувствовал нервное напряжение Ланна и от этого начал нервничать сам. Наконец воцарилась тишина: Рихард никогда не буйствовал долго. И все же в первые пятнадцать минут после того, как Вэрди Варденга или любой другой из крысят покидали Управление, в кабинет начальника лучше было не входить. Для одного из коллег Ланна это чуть не закончилось простреленной ногой, для другого все-таки закончилось — пущенной в голову тяжелой пепельницей.

Именно поэтому на должности заместителя комиссара Городского надзорного управления не задерживались надолго даже полицейские с самой устойчивой психикой и самым блестящим послужным списком. Ни один из них не выносил тяжелого, непредсказуемого характера Рихарда Ланна. Как не выносили и постоянных встреч с существами, которых по конституции когда-то нужно было защищать и оберегать. А теперь приходилось ловить, допрашивать и иногда отстреливать.

Крысятам запрещено было появляться в городе — заходить в общественный транспорт, магазины, парки — любые места, где находились взрослые. Крысята не учились в школах с новыми детьми. И, конечно, никто не пускал их в больницы и поликлиники, если они болели. Даже в ГТИ — изоляторе — для них был свой корпус, со стенами, построенными из крупного булыжника.

Работа в Управлении, конечно, не ограничивалась возней с детьми, точнее крысятами, взрослых преступников в городе оставалось немало. А работать было некому — пожалуй, в полицию граждане шли даже с меньшей охотой, чем заводили новых детей. И именно поэтому президент, мэр, а вместе с ними и чиновники всеми силами держались за старую гвардию — Рихарда Ланна и ему подобных. Временами диких и совершенно неуправляемых. Но достаточно храбрых и очень, очень выносливых.

Сам Карл приехал сюда в самый разгар «охоты на детей» — примерно семь лет назад. Ему только что исполнилось двадцать, и он вернулся из армии, чтобы поступить в

медицинский институт — еще в своей, родной стране.

Потом резко начала меняться власть, и отца Карла арестовали как «врага режима». Власть тогда менялась везде, и нашлось лишь одно место, куда Ларккрайт-младший сумел сбежать еще до падения Стены. Карл верил, что все это не более чем временный кризис и вскоре он вернется домой — нужно только переждать.

Но временный кризис оказался настоящей революцией. Вскоре «излечившийся от красной заразы» мир зажил по-новому. И равнодушно выбросил со своей политической карты небольшую европейскую страну, где нарушали демократические принципы — охотились на собственных детей. А вместе с ней выбросил и Карла Ларккрайта — наравне со всеми, кто по каким-то причинам переступил ее границы.

Впрочем, у Карла всегда была замечательная способность выживать, несмотря даже на сложные обстоятельства. В полиции он был на хорошем счету. Правда, это был его второй путь.

Имя его отца, половина жизни которого была связана с борьбой за права человека, было довольно известно в определенных кругах, и, пользуясь этим, Ларккрайт когда-то многое делал, чтобы свести затянувшуюся «охоту» на нет. Самого Карла никогда не тянуло в политику — но с оппозиционными журналистами он смог легко найти общий язык.

И... в результате всех своих попыток вмешаться в то, что решали наверху, он оказался здесь. В покоем на вытянутую картонную коробку кабинета, на ночном дежурстве, наедине со злым как черт Рихардом Ланном.

Карл приблизился к окну и взглянул на темную улицу. Раньше она не выглядела такой запущенной и безлюдной. Вообще все стало иным и продолжало умирать прямо на его глазах. Умирала страна, умирал город, умирали сложившиеся за много тысяч лет представления о семье. И, кажется, умирание это могло продлиться еще не один год.

Карл прошел мимо своего пса и приблизился к двери кабинета комиссара. Взглянул на часы: пятнадцать минут прошло. К тому же из кабинета он уже слышал приглушенное бормотание радио:

«Тем временем весь свободный мир готовится к очередной олимпиаде и с нетерпением ждет зимы. К сожалению, некоторые государства по-прежнему не предприняли ничего, чтобы снять с себя действие санкций, и не допущены к участию в этом международном спортивном...»

Карл вошел как раз в тот момент, когда дряхлый приемник, живший здесь еще до его приезда, полетел в стену. Рихард сидел, тяжело дыша и низко опустив голову. Он никак не отреагировал на появление инспектора — даже когда тот подошел к столу. Карл и не спешил обращать на себя его внимание, зная, что ни к чему хорошему это не приведет. Подождав еще немного, Ларккрайт все же протянул руку и постучал пальцем по деревянной поверхности:

— Комиссар, я...

Ланн перегнувшись через стол, резким движением схватил его за запястье. Карл едва не взвыл от боли — хватка у комиссара была железная. Потом Рихард притянул его к себе и поднял ясный, холодный, не затуманенный никакими эмоциями взгляд.

— Что тебе?

Карл поморщился и попытался высвободить руку:

— Полегче. Я могу и броситься.

Кажется, эти слова развеселили комиссара: он разжал пальцы, усмехнулся и переспросил:

— Ты? Твоя собака скорее на кого-нибудь бросится, чем ты. Ларкрайт сердито нахмурился и поправил очки. Он знал, что комиссар Ланн не относится к нему серьезно. И, скорее всего, не считает взрослым.

Шесть лет назад, когда люди, занимавшие сейчас посты в правительстве, решили избавиться от сына Йозефа Ларкрайта, слишком много говорившего о правах крысят, именно Рихард спас его. Взял на эту работу. И привязанность к Ланну стала для Карла чем-то определяющим в жизни. Чем-то похожим на болезненную и не имеющую под собой почвы верность собаки хозяину.

Может быть, именно поэтому Карл раз за разом лез из кожи вон, чтобы что-то доказать, но почему-то добивался противоположного: Ланн, проходя мимо после очередного задержания, бросал что-нибудь вроде «В следующий раз тебе стоит быть быстрее». Впрочем, инспектор со временем смирился с таким положением вещей. Несмотря на непредсказуемость и резкость, к Рихарду он относился хорошо — прежде всего из-за живого аналитического ума и уверенного спокойствия. И лишь иногда это спокойствие исчезало. Когда появлялась...

— Эта девчонка... — глухо сказал Ланн. — Я убью ее, если еще раз поймаю.

Карл вздохнул: ему столь резкая неприязнь к малышке Вэрди была непонятна. Воровала она не больше, чем другие крысята, и в отличие от них по крайней мере никого никогда не убивала. Инспектору Ларкрайту девочка даже нравилась — ее находчивые ответы, красивое лицо и копна вьющихся волос — темно-каштанового с рыжиной оттенка, как у него самого. Вэрди немного напоминала Карлу мать — какой он помнил ее по детским фотографиям.

Комиссар по-прежнему пристально всматривался в лицо Карла — и тот дорого бы дал за то, чтобы понять, что именно так заинтересовало начальника. Ответ не заставил себя ждать.

— Принеси мне кофе.

Ларкрайт закатил глаза:

— Заведите себе секретаршу.

— Кто сюда пойдет? — Рихард потянулся за сигаретами. — Та к что давай, шевелись.

Карл еще некоторое время возмущался — хотя в глубине души был рад, что очередной нервный срыв Ланна окончился без кровопотерь с чьей-либо стороны. Уже выходя из кабинета, он кое о чем вспомнил и обернулся:

— Кстати... недавно звонил Чарльз Леонгард. Говорил о крысятах — что они ходят по разрушенной половине заброшенного НИИ.

Ланн, лицо которого уже скрыл густой дым, немедленно высказал все, что он думает по поводу герра Леонгарда, а также о том, куда тому следует отправиться вместе со своими жалобами. Карл пожал плечами:

— Не думаю, что он отправится туда в ближайшее время. Скорее туда отправлюсь я, если скажу это, когда он в следующий раз нам позвонит. Хотя не представляю... что они забыли на этой свалке?

— Ал, псих, ну что ты забыл на этой свалке? Они же могли поймать тебя!

Мы сидели чуть поодаль от других ребят — разговаривать с ними мне не хотелось, настроения не было. Да и от их крикливых голосов стала побаливать голова. Поэтому я села в сторонке, а Ал, углядев меня, пришел и притащил несколько испекшихся картофелин и даже остатки ветчины. Он всегда обо мне заботился, старина Ал. И с гордостью считал себя моим заместителем на должности главного разбойника. У меня не было заместителей, и я не была разбойником. Но разочаровывать его я не хотела.

Ал смотрел на темную воду озера — далекие блики костра переливались в его светлых взерошенных волосах. Услышав вопрос, он тут же оживился и поближе придвинул ко мне большой грязный мешок:

— Там просто чума! Столько всего крутого и нужного! И никто не гоняет.

— Пока не гоняют... — Я нахмурилась, наблюдая, как он вытряхивает собранный хлам. — Что-то из этого поможет усилить тот дохлый электрогенератор? Ты хоть помнишь, на каких соплях он держится? Сам ведь соорудил!

Ал насупился: в моменты полета своей неумемной изобретательской фантазии он ненавидел разговоры о скучных земных проблемах. Вроде нашего единственного дряхлого холодильника, которому не хватало энергии от украденного много лет назад переносного энергоблока. Решив, что Алан уже достаточно пристыжен, я стала изучать принесенный им мусор.

Наполовину заброшенный, оставшийся почти без финансирования НИИ мы все называли просто «свалкой». Потому что от некогда огромного научного городка осталось лишь три небольших корпуса, где работало не больше пятидесяти ученых-специалистов. Все остальное превратилось в руины. Частично — от нехватки денег, да и ремонт там давно уже никто не делал. Частично — из-за большого пожара, устроенного Речной Бандой: так называла себя группа девчонок и мальчишек, захвативших во время «охоты на детей» несколько военных кораблей и автомобилей. Сейчас все это давно пришло в негодность из-за того, что Речные не могли поддерживать машины в порядке и вовремя заправлять их, но тогда техника помогла им здорово потрепать нервы взрослым.

И вот уже лет шесть научный комплекс медленно разваливается, благоустроенная территория превращается в пустырь, а завалы никто толком даже и не пытался разбирать. Поэтому Алу удалось неплохо поживиться: он утащил множество строительных инструментов, несколько целых химических колбочек, какие-то банки с порошками, моток цветных проводов, небольшой радиоприемник и огромное количество других интересных ему сокровищ.

— А еще вот, — он указал на гайки, ключи, скрепки и странные стеклянные штуки, напоминающие бусины. — Сделаешь что-нибудь себе. Или Карвен.

Я невольно улыбнулась. Ал как никто знал о моей маленькой страсти — мастерить самодельные украшения из всяких мелких предметов. И, как обычно, он обо мне не забыл. Это было приятно. Я потрепала его по волосам:

— Подлиза.

— Все для вас, мой капитан, — он ответил очень искренней и очень ослепительной улыбкой.

Мне бы его ровные зубы. Хотя у меня-то не было папаши-дантиста. Я собрала в кучку мелкие «девчачьи» радости и с тоской подумала о том, что сесть за украшения мне в ближайшее время, скорее всего, не удастся.

Неожиданно мое внимание привлекло еще что-то, блеснувшее в траве. Это были две довольно большие затемненные линзы. Рядом с ними лежала погнутая металлическая оправа, к одной из дужек которой крепился странный блок цветных кнопок и переключателей. Второй почти такой же блок болтался на тоненьком проводке, торчащем из другой дужки.

— Ал, что это? — я взяла покалеченный остов очков в руки. — Какое-то твое новое изобретение?

— Это я нашел, — отозвался он, начиная протирать линзы рукавом рубашки. — Подумал, что-то годное, ну и хапнул. А вдруг починю.

— Ал, а если это какое-нибудь оружие? — я потрогала пальцем вывалившийся проводок.

— Да брось, — он безмятежно махнул рукой. — Это обычные гляделки. Может, они могут рентгеном светить или сквозь них можно ночью видеть... нам пригодятся.

— Ал, — я снова сердито нахмурилась. — Ради всех святых и дохлой кошки, занимайся экспериментами подальше от маленьких, ладно?

— Как скажете, мой капитан, — он поскорее сгреб свои находки в охапку и прижал к груди: — Ты будешь еще мною гордиться.

— Или плакать над твоим трупом, — фыркнула я.

— Что, правда будешь плакать? О, мне это так...

— Дурень, — я щелкнула его по лбу. — Держи карман шире. Он замолчал, видимо, обдумывая, означают ли мои слова, что и правда буду плакать. Я встала, зевнув:

— Ладно, бывай. Я пойду спать. И если хотя бы один из твоих горнобаранов меня посмеет потревожить...

— Я тебя понял, — поспешно отозвался он и снова ободряюще улыбнулся: — Обещаю, ночь у тебя будет спокойной. До утра.

— Чертово утро...

Пробормотав это, Рихард с трудом открыл глаза. На улице уже светало, низкие тучи по-прежнему затягивали небо. Ланн потер лоб, встал и размял затекшую спину. Голова гудела.

Рихард плохо помнил, когда именно отключился, рухнув головой на отчет, и почему даже не дошел до своего любимого дивана в общей комнате. Вообще многие подробности ночи стерлись из его памяти — как обычно и бывало. Отчетливо отпечаталась в голове лишь фраза, которую эта маленькая тварь ему бросила: «Иногда мне жаль вас...»

Почувствовав подступающую вспышку злобы, Ланн поспешно пригасил ее глотком отвратительного на вкус коньяка, стоявшего на столе. Ночью он таким мерзким не казался. Хотя Карл неслучайно, наверно, воротил от этого пошла нос.

При мысли о Ларкрайте комиссар страдальчески скривился, ощутив что-то вроде укола совести. И уже набрал в грудь воздуха, чтобы позвать помощника, но в последний момент передумал и осторожно приоткрыл дверь в общую комнату, которую в рабочее время занимали шестеро следователей Управления.

Сейчас здесь пока было пусто, и только Карл спал, накрывшись мундиром, на том самом диване, который Рихард так любил. Вид у инспектора был совершенно измученный, но вся заполненная и проверенная отчетность аккуратной стопкой лежала прямо на массивной, обтянутой кожей диванной спинке, рядом с табельным оружием Карла. При первом же шаге комиссара часть листов, шурша, слетела на пол, но инспектор даже не пошевелился. Ланн невольно заметил, что Карл спит в той же позе, в какой и развалившийся на коврик у двери Спайк, — свернувшись и прикрывая глаза рукой.

Раздалось тихое цоканье когтей по полу: пес проснулся, подошел и ткнулся носом комиссару в ладонь. Стоило Ланну повернуться, как сеттер тут же встал на задние лапы, упершись передними ему в грудь и навалившись всей своей немалой массой.

— Такая же бестолковая псина, как и твой хозяин, — тихо сказал Рихард, и Спайк лизнул его в нос: такое приветствие было привычным и вполне устроило его. — Пойдем, я тебя выпущу.

Отправив пса гулять на улицу, Рихард вернулся к дивану, где видел десятый сон инспектор Ларкрайт. Постояв еще некоторое время рядом, Ланн вздохнул и от души саданул по спинке дивана ногой:

— Подъем, пехота.

Карла утреннее приветствие впечатлило несколько больше, чем Спайка. Он резко сел, потряхнул головой и уставился на Рихарда:

— Что-то случилось?

— Случилось. Солнце встало. Никого не убили за ночь? Никто не звонил?

— Не звонил, не убили, — потирая глаза, отозвался инспектор и спустил ноги с дивана.

— Собери свои документы с пола. Ты их уронил.

— Да? Как же это я...

— Не знаю, я по ночам не гуляю, — Ланн сел на диван рядом с Карлом и вынул из

кармана сигареты с зажигалкой.

Инспектор ничего не успел на это ответить. Дверь неожиданно открылась — Рихард не стал запирать ее, пока не вернется нагулявшийся пес. На пороге стоял высокий широкоплечий мужчина со светлыми волосами и курчавой короткой бородкой. Черные глаза за стеклами изящных очков блеснули:

— Бурная ночь, как я вижу?

— Можно и так сказать... — ответил Ланн, даже не попытавшись встать. — Доброе утро, герр Леонгард, какими судьбами?

Доктор Чарльз Леонгард, один из немногих оставшихся в живых ученых-специалистов центрального НИИ, широким шагом прошелся по помещению. Рихард, дымя сигаретой, неотрывно наблюдал за ним и с сожалением думал о забытой в кабинете бутылке коньяка. Она сейчас была бы очень кстати — приглушить новую вспышку злости... или разбить об голову утреннего гостя.

Сорокадевятилетний Леонгард считался светилом медицины — когда-то, еще до Крысиного Рождества, он был главным врачом лучшей в городе больницы. Сейчас же больница осталась в глубоком запустении — почти без врачей и почти без пациентов, а Леонгард работал в НИИ. Он занимался экспериментами, о которых Ланн знал лишь то, что они курируются людьми из министерства и как-то связаны с крысятами. Выбрав их объектом исследований, Чарльз урвал весьма солидный кусок — и теперь в деньгах ни он, ни его лаборатория совершенно не нуждались. Это было крупными буквами написано на его ухоженном лице.

С Рихардом Ланном он был знаком еще со времен «охоты на детей» и даже раньше. И комиссара доктор раздражал до зубной боли — своей вечной улыбкой, безукоризненно-белым халатом, густым басом и привычкой слегка растягивать слова во время разговора. А больше всего Ланн ненавидел его за то, что у Леонгарда была дочь и ученый спокойно жил с ней, не опасаясь никакой заразы, в то время как...

— Пришел поговорить о крысятах, — Леонгард сел на стул.

Рихард быстро переглянулся с Карлом: молодой человек усмехнулся и дернул плечом. Ни о каких других вещах Леонгард с ними и не говорил. Ланн нахмурился, продолжая неприятные размышления.

Девочка Сильва была ровесницей Вэрди и ровесницей дочери самого Рихарда, сбежавшей в ту страшную ночь. Сильва тоже не росла и наверняка не могла иметь детей. Но между ней и другими зияла огромная пропасть. Не все знали, кем она приходится ученому. У Сильвы не было крысиной татуировки на руке. Сильва не воровала еду и не пряталась по подвалам и заброшенным домам. Сильва ходила в норковой шубке и часто встречала папу после работы. Потому что в то самое Рождество четырнадцатилетней давности Чарльз не умер вместе с остальными родителями. Причин тому знаменитый врач так и не нашел. Вместо этого он предпочел спрятать дочь от пристального внимания, ставя эксперименты на других крысятах. И за это Ланн ненавидел его еще сильнее.

— Что же вам угодно? — с привычной холодной вежливостью спросил Рихард. — Они что-нибудь у вас украли?

Некоторое время Леонгард, казалось, колебался, потом все же ответил:

— Можно и так сказать... я видел нескольких из них на развалинах своей бывшей лаборатории. Помните, той, которую уничтожили дети с реки?

Ланн молча кивнул, потом добавил:

— Не думал, что там валяется что-то, без чего вы не могли бы прожить. Они просто искали какую-нибудь утварь.

Доктор вздохнул:

— Там есть очень опасные обломки, изобретения, к которым...

— Дети их в жизни не соберут, — хмыкнул комиссар. — Но если вам так хочется, я наведаюсь в известные мне логова и припугну крысят, чтобы больше они к вам не совались.

Рихард надеялся, что теперь-то беседа закончится. Но чутье подсказывало ему, что все не так просто. И даже несмотря на это, для комиссара стали полной неожиданностью следующие слова Леонгарда:

— Что вы, нет нужды. Вы можете просто рассказать мне о парочке этих... как вы сказали... «логов». И я схожу туда сам. У вас ведь и так немало работы, вы же не шериф, обязанный следить за...

Все сразу стало ясно. Более не церемонясь, Ланн поднял ладонь на уровень глаз собеседника и сказал:

— Побеседуйте, пожалуйста, с моей рукой, герр Леонгард. Моя рука очень интересуется, у вас что же, опять умерли все подопытные, которых вам невесть где отлавливают без ведома Управления?

— И почему же этим интересуется только ваша рука? — ученый расслабленно откинулся на спинку стула, созерцая растопыренную перед ним пятерню.

— Потому... — сквозь зубы ответил Рихард, — что остальная часть меня может воспринять ваш нынешний визит как явку с признанием в похищении детей и загнать вас в карцер на пару недель.

— Достойный аргумент, — кивнул Леонгард. — Вот только я никого не похищаю. Все мои эксперименты добровольны, я готов платить за них. И рискую жизнью, контактируя с этими детьми и пытаюсь...

— А сколько ваших подопытных вышли из лаборатории живыми? — лениво полюбопытствовал Рихард, опуская руку. — Ноль, верно? Кажется, они рискуют жизнями значительно больше, чем вы.

И кажется, в правительстве очень хорошо пресекают все его, Ланна, попытки прекратить похищения и наладить систему регистрации крысят. Та к же как пресекали когда-то все агитационные попытки Карла, направленные на защиту детей... Пресекали настолько хорошо, что у инспектора до сих пор остались следы от ожогов — если бы Рихард не вытащил Ларкрайта из того заброшенного горящего дома, тот вообще не сидел бы сейчас здесь.

— Вы не понимаете... — голос Леонгарда прервал тяжелые размышления комиссара. — Они нужны мне. Это очень важные исследования. Совершенно новые.

— И какие же?

Доктор покосился на Карла, но комиссар, уловив его взгляд, довольно резко сказал:

— От этого человека у меня тайн нет. К тому же он будет свидетелем, если мне не понравится то, что вы скажете, и я захочу вас пристрелить.

— Как пожелаете, — все так же невозмутимо ответил Леонгард. — Дело в том, что я собрал статистику по больницам страны и обнаружил кое-что интересное... очень интересное. Вы знаете, что довольно часто для спасения жизни человека ему надо пересадить чужой орган или перелить кровь... и все эти операции с костным мозгом...

— Знаю, — махнул рукой Ланн.

— Так вот... случалось, что у врачей не было выбора и... им приходилось использовать в качестве доноров крысят — на свой страх и риск, но такие смельчаки находились. Иногда живых, но обычно это были совсем-совсем свежие трупы. И... — доктор сделал паузу, — после таких операций ни у кого из пациентов не случалось отторжения. Независимо от группы крови и резус-фактора. Эти дети... универсальные доноры.

Комиссар молчал. Теперь он понимал, что самым разумным было бы прямо сейчас застрелить утреннего гостя — хотя бы потому, что его глаза за стеклами очков уже горели не предвещающим ничего доброго огнем. Доктор же оживленно продолжал:

— Необходимо выяснить причину такой положительной реакции, и для этого нужны подопытные. Конечно, пока никаких трансплантаций, только работа с кровью и...

— Пока — это хорошее слово, — пробормотал Карл.

— Так вы поможете мне?

— Нет. — Рихард снова закурил. Он дал себе слово не терять самообладания и собирался его сдержать.

Доктор сцепил на груди массивные руки:

— Но неужели вы не понимаете, что ваша задача ...

— Моя задача, — отрезал комиссар, — следить за тем, чтобы не нарушали закон. Задачи ловить крысят, чтобы вы их резали, у меня нет. Зато есть другая — пресекать преступления. Убийство ребенка — даже *такого* — тоже преступление. Вы поняли меня?

— Понял, — вздохнул доктор. — Благодарю.

В помещение вбежал Спайк и тут же оскалился, увидев гостя. Рихард тихо подозвал собаку к себе. Леонгард встал и вздохнул:

— Что ж, хорошего дня... жаль, что мы не поняли друг друга. Когда мужчина уже был у дверей, Ланн, почесывавший пса за ухом, небрежно бросил ему в спину:

— На крайний случай у вас есть для экспериментов ваш собственный крысенок.

Леонгард глянул на него вполборота и ответил:

— А вот за эти слова я сам бы вас с удовольствием застрелил. До свиданья.

— Ал, я все же надеюсь, меня не будет рядом, когда кто-то тебя пристрелит.

Мы собирались совершить относительно рискованную вылазку в магазин за продуктами — на запретную для нас, крысят, территорию взрослых.

А для этого нужно было сделать то, что мы частенько делали в своем прошлом, настоящем детстве, — самим нарядиться взрослыми. Летом это оказывалось совсем непросто, а вот сейчас не вызывало проблем: шляпы, плащи или куртки. Я запудрила лицо, накрасилась обломком карандаша для глаз, надела туфли на устойчивых широких каблуках, чтобы казаться выше, собрала в пучок волосы и нацепила шляпку с вуалью. Ал, и без того достаточно высокий, нахлобучил на голову широкополую шляпу и переделался в свои самые приличные штаны, на которых даже почти не было заплаток, а сверху напялил плащ. В заключение мы оба надели перчатки — главное было спрятать крысиные татуировки. Мы не выглядели на свои двадцать восемь даже теперь. Но все же.

Услышав недовольство в моем голосе, Ал фыркнул и поудобнее перехватил сумку:

— Я не буду ничего сегодня воровать, не переживай ты так. Мне ничего не надо.

Продолжая переругиваться, мы вылезли из вагона, попрощались с ребятами и пошли вдоль путей по направлению к городу. Дул сильный ветер и накрапывал дождь, настроение у меня вполне отвечало такой погоде: было отвратительным. И даже несмотря на то, что мы уже достаточно удалились от поезда, я слышала противные визгливые крики «живых овощей».

И как нас никто еще не нашел и не устроил облаву? С такой сиреной невозможно скрываться долго. А мы каким-то чудом скрывались уже несколько лет. Может, благодаря Карвен, из-за которой Восточная железнодорожная колея до сих пор слыла убежищем призраков. А может, потому, что кто-то перегородил колючей проволокой и металлоломом рельсы, на которых стояла наша развалюха, и повесил всюду таблички «Опасная зона», «Идет ремонт» и «Не пересекать»? Ведь обстановка в стране не стала спокойнее, и тревожные красно-желтые таблички действовали на людей не хуже, чем предупредительные выстрелы.

Думать обо всем этом было неприятно. Но и говорить с Алом особенно не хотелось. И я пробурчала:

— Лучше бы взяла с собой Карвен.

Алан фыркнул и так тряхнул головой, что шляпа съехала ему на глаза:

— Карвен не стала бы таскать за тебя картошку, — сказал он. Не стала бы. В этом Ал был прав, и я промолчала. Он вздохнул, поправил шляпу и предложил:

— Возвращайся, если хочешь, я все куплю сам.

— И я буду виновата, если ты попадешься? Ну уж нет. Но... Карвен действительно лучше было взять с собой.

— Ты сама не захотела будить ее.

— Потому что знала, что ты будешь ее задирать, а ей нельзя нервничать.

Он замедлил шаг и взял меня за плечо:

— Вэрди! Объясни, зачем тебе нужна эта мутная девчонка? От неожиданности я споткнулась о какую-то торчащую из земли железку, с трудом удержала равновесие и встала как вкопанная:

— Чего? Карвен — моя лучшая подруга, и она — не мутная. Она была со мной еще до тебя. Еще раз выскажешься о ней вот так — выбью зубы. Понял?

Говоря все это, я крепко держала Ала за рукав плаща и не сводила с него взгляда. Когда я закончила, он попятился, пожав плечами:

— Извини, я пошутил. Закрыли тему. В конце концов, если бы не Карвен, у нас не было бы этого поезда. И не только его.

Хотя бы это он понимал. Я спрятала руки в карманы и ускорила шаг. Идти на каблуках по раскисшей земле, усыпанной довольно крупными камнями и проржавевшим металлоломом, было трудно, но я старалась не обращать на это внимания.

Мне вспомнилась случайная встреча с Карвен под одним из городских мостов — она жила там с самого Крысиного Рождества. А я в то время только покинула дом моей второй матери-судьи и рада была хоть кого-нибудь встретить. Наполовину седая, тощая девочка сразу показалась мне чокнутой. Но она была очень добрая и ухитрялась доставать еду. Эти два качества сразу примирили меня с ее странностями — побегам, долгим вечерним созерцанием неба и общением с призраками, которых я раньше никогда не видела. Карвен научила меня воровать и прятаться, и ей никогда не приходило в голову меня прогонять или чего-то требовать в благодарность. Она стала мне самым близким человеком.

Когда наступило лето, мы отправились искать себе другой дом — из-под моста нас выгнали взрослые бездомные. Я думала, мы бродим наугад, но Карвен отлично знала, куда мы идем.

Впервые увидев мрачную махину покореженного поезда, я и подумать не могла, что здесь и есть наш конечный пункт. Этот эшелон был мне знаком: он стоял тут еще со времен Большой Войны. Говорили, что, когда он перевозил беженцев, его обстреляли вражеские самолеты. А еще пустили ядовитый газ, в котором задохнулись все, кто был к тому моменту еще жив. Этих людей и закопали на маленьком старом кладбище по другую сторону дороги. А эшелон так и не убрали — сначала его решили оставить как напоминание об ужасах войны, потом о нем просто забыли. Поезда стали пускать по объездному пути, и со временем Восточная колея вообще оказалась заброшенной — даже на той стороне озера, к которой она прилегала, никто никогда не отдыхал. И за сорок лет родилось множество легенд о живших на этом месте призраках.

Место и впрямь казалось не самым уютным. Но подойдя к поезду, мы не обнаружили тут никого, кроме Маары — она жила в паровозе. Разговаривать она почти не умела, понимала только самые простые слова, и лишь с большим трудом нам удалось хоть что-то от нее узнать. Маара до Рождества жила в интернате, а потом убежала — она знала историю своего дедушки и захотела посмотреть его поезд. А потом пришла сюда жить, потому что в городе все были слишком злые. Маара слышала истории про привидений, но они никогда ее отсюда не выгоняли, поэтому она их не боялась. А еще Маара уже тогда начала подбирать на улицах выброшенных «живых овощей» — ей было их жалко, и она даже воровала для них молоко в ближайшем поселке. Удивительная доброта, полностью подавляющая инстинкт самосохранения. Видимо, поэтому она так ярко выражена у таких вот безмозглых.

Я думала, что уж теперь-то Карвен точно уйдет: не могло ей понравиться такое убогое местечко. Но она захотела остаться. И не просто остаться...

Той же ночью я впервые увидела, как освобождаются духи. Весь поезд осветился ровным голубовато-фиолетовым светом, а потом от него и от земли вокруг начали подниматься в небо светящиеся силуэты. Улетая, они превращались в маленькие звездочки, и, казалось, это никогда не кончится... Более жуткого и одновременно завораживающего зрелища я еще не видела. А прямо перед паровозом стояла, раскинув тонкие руки, моя Карвен, похожая на самую настоящую колдунью. Темную колдунью.

Эту ночь, наверно, можно было считать началом всего. Ребята приходили к нам из городов, поселков, соседних областей — и оставались. Карвен никогда не хотела быть лидером, и эту роль пришлось исполнять мне. Со временем я даже привыкла... как привыкла и к тому, что Карвен постепенно оставляли силы. Наверно, то большое освобождение призраков и подорвало ее. Но мы никогда *об этом* не говорили. Она вообще ни с кем не говорила о том, что касалось ее.

Ал ткнул меня локтем и указал вперед — туда, где уже высились городские постройки. Я подняла глаза и увидела большой рекламный щит, с которого грустно улыбалась Госпожа Президент. А под ее изображением была надпись: «Заводите семьи. Родина начинается с семьи». Алан скривился:

— Она так призывает, будто это так же легко, как завести щенка.

Я промолчала, потом все же вступилась:

— Заткнись. Она старается как может. Помнишь, какая она была красивая, когда еще только заняла этот пост, перед Крысиным Рождеством? А сейчас? Представляешь, четырнадцать лет рулить такой страной, как наша, потому что больше никто не хочет?

На этот раз права была я. Госпоже Президенту исполнилось только тридцать шесть лет, когда ее избрали, а выглядела она и того моложе. До этого она была сначала полицейской, затем депутатом, а потом некоторое время министром чего-то там. Я тогда еще мало что знала о политике, но Гертруду Шённ — так ее звали — считали очень умной женщиной. И несмотря на достаточно молодой в сравнении с другими кандидатами возраст, ее выбрали со значительным перевесом — наверно, это сделали в основном мужчины. И случилось это как раз перед тем, как... все произошло.

Крысиное Рождество уничтожило почти всех членов нового правительства и бóльшую часть недавно обновившейся партийной верхушки. Госпожа Президент, у которой семьи не было, осталась почти одна, пытаясь выжить. За четырнадцать лет она изменилась — сильно похудела, стала походить на скелет и почти разучилась улыбаться. Но была все так же безукоризненно элегантна, ухожена и классно притворялась, что еще во что-то верит. Что и говорить... Госпожу Президента я уважала больше, чем любую другую женщину. И даже хотела бы, чтобы она была моей мамой, наверно...

Мы прошли под щитом и вошли в город. И здесь сразу привычно сосредоточились, готовясь в случае чего бежать и спрятаться. Но на полупустых улицах мало кто мог обратить на нас внимание.

Миновав несколько полузаброшенных районов, отличающихся лишь надписями на заколоченных дверях, мы наконец дошли до большого магазина, в котором обычно закупались. Уже глядя сквозь стекло витрины, я поняла: с продуктами не особенно хорошо. Впрочем, чего удивляться — даже в столице у нас почти не достанешь ничего.

Внутри оказалось не много людей. Скучали две кассирши, из дальних отделов доносились глухие голоса. Мы с Алом пошли вдоль полупустых полок. Глядя на них, я даже радовалась тому, что мы не приучены к хорошей еде и нам не нужно ничего, кроме

картошки, хлеба и, может быть, какой-нибудь дешевой колбасы. И что Маара сама обеспечивает молоком наших «живых овощей» — я бы этим заниматься просто не стала.

Мы быстро прошли через магазин и взяли все нужное. У кассы я не удержалась и прихватила пару шоколадок — для Карвен, я знала, что это почти единственное, что она любит. Ал, заметив это, что-то осуждающе буркнул, но я тут же наступила ему на ногу. Кассирша, подняв взгляд, приветливо улыбнулась: она меня знала, я уже несколько раз приходила в этот магазин.

Взрослые улыбались мне очень редко, и я изо всех сил постаралась, чтобы ответная улыбка вышла теплой. Кассирша начала пробивать продукты, я стала складывать их в сумки и совершенно забыла про...

— Ал! — боковым зрением я увидела, как он незаметно схватил что-то с полки и сунул в карман.

От злости и страха у меня даже потемнело в глазах: чтобы еще и здесь нас считали ворами...

— Положи на место немедленно! — зашипела я, пользуясь тем, что женщина считала деньги, которые я ей только что отдала.

Он пожал плечами, показывая, что не понимает, о чем это я. Продолжая кипеть, я схватила его за руку и разжала пальцы, в которых, разумеется, ничего уже не было.

— Возьмите сда...

Не слушая кассиршу, я попыталась вывернуть Алу запястье, и перчатка тут же сползла, обнажив руку. Но в себя я пришла, лишь услышав истошный, полный отвращения крик какой-то стоявшей за нашими спинами женщины:

— А-А-А! КРЫСЫ!

Прежде чем я успела как-то отреагировать, Ал схватил одной рукой пакеты, другой меня и ломанулся к выходу. Я даже не сопротивлялась, потому что слышала тяжелый топот за нашими спинами. Обернувшись, я увидела двух охранников и какого-то высокого мужчину с замотанным шарфом горлом. Судя по злобному блеску его глаз, это был кто-то из горожан, считающих, что всех нас нужно не только изолировать, но и перестрелять.

Один из пакетов, которые волок Ал, порвался, и он бросил его.

— Придурок! — на бегу рывкнула я, подхватывая этот пакет под мышку. Мои ноги, закованные в туфли, и так заплетались, а с несколькими килограммами картошки меня начало заносить в сторону. — Что ты спер?

— Батарейки, мне надо...

— Тебе некуда их вставить, идиот!

— Очки... — он тоже уже запыхался и явно не считал нужным ничего больше объяснять.

Наши преследователи не отставали. Наверно, теперь их подгонял животный азарт к охоте. Не думаю, что охрана погналась бы за Алом из-за двух батареек. И мне совершенно не хотелось попасться как вчера.

Алан вдруг замедлил бег и крикнул:

— Давай к центру. Я их отвлеку, встретимся в логове.

Резко развернувшись, он бросился навстречу преследователям, а потом скользнул в какой-то переулочек. Я решила не ждать, кого из нас они выберут своей жертвой, и рванула вперед, крепче зажимая пакет с картошкой и хлебом под мышкой. Нога у меня подвернулась, и, шипя от боли, я прямо на бегу сбросила туфли. Думать о возможности наступить на стекло

или обломок асфальта было некогда. Главное — я могла бежать быстрее. И больше я не оборачивалась, радуясь тому, что Госпожа Президент запретила выдавать магазинной охране оружие, снабдив их лишь электрошокерами.

Я выскочила на одну из центральных улиц — ее можно было назвать почти оживленной. Машин здесь было больше, чем на всех остальных городских дорогах вместе взятых.

Нога у меня уже начала сильно болеть, и я остановилась, молясь о том, чтобы за мной больше никто не гнался. Кажется, было тихо, но...

Проверить это я не успела: проезжавший мимо белоснежный лимузин вдруг замедлил движение. Задняя дверца распахнулась, чья-то рука схватила меня за запястье и втянула в салон. Автомобиль тут же сорвался с места, и я совершенно без сил откинулась на спинку, ощущая запах дорогой кожи. Запах этот был мне знаком — точно так же, как и голос поприветствовавшей меня девочки:

— Вэрди, ты что, опять украла что-то?

Я открыла глаза. Первое, что я увидела, было отражение водителя в небольшом зеркальце. На водителе был боевой противогаз, и это окончательно подтвердило мою догадку:

— Сильва...

Моя бывшая лучшая подруга с соседней улицы, дочка знаменитого доктора Леонгарда, сидела, скрестив ноги, и с любопытством рассматривала меня. Безукоризненно чистые светлые волосы вились колечками, уголки аккуратно покрашенных губ поднялись в улыбке, а тонкие руки по-прежнему сжимали мое запястье. Я вздохнула:

— Как ты...

— Случайно, — не дав закончить вопрос, ответила она и начала оглядывать рассыпавшуюся по салону картошку. — Маф, давай покатаемся немного! Домой не надо! Не ожидала тебя увидеть, Вэрди. Я просто ехала с танцев, а тут ты...

Я невольно рассмеялась и почувствовала уже привычный легкий укол зависти. Сильва Леонгард была моей ровесницей, но не была изгоем. Из-за того, что ее отец не умер во время Крысиного Рождества, Сильве не пришлось испытать на себе даже малой части наших проблем. Она жила в просторном уютном доме, и отец давал ей абсолютно все. Правда, соседи и прислуга все равно считали ее опасной и обходили стороной. Даже Мафусаил, личный водитель Леонгардов, если ему приходилось отвозить куда-то Сильву, всегда одевался так, словно собирался на войну, и никогда не забывал об этом нелепом противогазе.

Но едва ли Сильву это волновало. За пределами района, где жили Леонгарды, ее истории никто не знал. Правда, она тоже не росла — но и в этом не видела проблемы. В отличие от меня Сильва любила и умела маскироваться под взрослую — носить каблуки, краситься и одеваться так, что ей завидовали многие женщины. Когда она в своей шубке и сапожках шла по улице, определить, сколько ей лет, было просто невозможно. Но больше двадцати уж точно.

Вместе с тем Сильва могла позволить себе побыть и папиной маленькой принцессой — избалованной и счастливой. Большую часть свободного времени она проводила, занимаясь всем, чем когда-то мы мечтали заниматься вместе, — училась рисовать, шить, плавать. Все это она теперь уже умела, и ей пришло в голову еще и научиться танцевать.

— Рассказывай, что случилось, — потребовала Сильва, открыв маленький автономный холодильник и вынув из него тарелку с треугольными сэндвичами. — И давай поедим, я устала.

И это она говорила мне! Пробежавшей, наверно, километров пять с этим двухкилограммовым пакетом. Впрочем... она меня спасла, и причин злиться не было. Кроме одной... я была крысенком, а она нет.

Сильва наливала сок в два стакана, а я молча смотрела в окно. Мне было плохо. Как и всегда, когда я встречала маленькую фройляйн Леонгард. Ведь она очень любила меня — без страха приходила к поезду, часто приносила нам еду и лекарства. А еще никогда не забывала про мой день рождения. Я любила ее. Но у меня с ней было связано слишком много воспоминаний.

— Этот идиот тебя опять подвел? — она протянула мне сэндвич с говядиной.

Я молча кивнула и мысленно выкинула все из головы: лучше заняться едой, чем раз за разом скакать по знакомому кругу неприятных мыслей. Сильва вздохнула:

— Он попался?

— Не знаю, — с набитым ртом отозвалась я. — Он сказал встретиться с ним в логове.

— Значит, туда и поедем, — Сильва ободряюще улыбнулась, отдала мне тарелку и, опустившись на колени, стала собирать с пола картофелины и запихивать их в пакет. — Судя по количеству продуктов, вы еще и лишились некоторой части провианта?

Я промолчала, потому что знала, что она предложит. И она предложила:

— Сначала заедем в магазин поближе к центру, и я все докуплю. И добуду тебе кроссовки. Потом отвезу тебя до заграждения. Дальше я боюсь... — она покосилась на водителя. — Сама знаешь чего.

— Спасибо, — глухо ответила я. — Наверно, это будет самое бесполезное времяпрепровождение в твоей жизни.

Карл устало потер глаза: от букв и цифр в них уже рябило. И, как обычно, за несколько часов, проведенных в архиве Управления, он не нашел абсолютно ничего.

Маленькое, похожее больше на военный бункер здание архива располагалось отдельно от управления, в таком же бедном окраинном районе, как тот, где Ларкрайт снимал квартиру, но на противоположном конце города. Со времен Крысиного Рождества материалов накопилось столько, что держать их в порядке было просто невозможно. Нераскрытые дела, фотографии из картотеки преступников, старые видеопленки с записями следственных экспериментов — все это загромождало ящики и стеллажи, покрываясь пылью.

Сотрудница архива, толстая и добродушная фрау Вебер, первое время пыталась помогать Карлу с поиском, но вскоре махнула на это рукой: даже она не могла навести порядок в собственном мирке, куда уже лет десять никто не заявлялся со служебными проверками. Поэтому когда молодой человек приходил, она обычно здоровалась и вальяжно удалялась в маленькую дальнюю комнату к чайнику и любовным романам, предоставляя Ларкрайту возможность самому разбираться в гряде коробок и бумаг.

Сегодня он читал протоколы осмотров родителей крысят — их проводил НИИ Леонгарда. Данные были записаны в стандартизированной форме: «Признаков насильственной смерти нет, остановка сердца вызвана неизвестным нервным импульсом. Ядовитых или наркотических веществ в организме не обнаружено». И «Труп лежал...»

Дальше начиналось некоторое разнообразие: кого-то находили на улице, кого-то — прямо в доме, кого-то — на расстоянии от него: обычно это были люди, только что вышедшие в магазин или к соседям. И вот тут...

Карл неожиданно вздрогнул, раскрыв два протокола на последних страницах. Его взгляд скользнул по почти в точности повторяющемуся описанию и остановился на графе «предполагаемое время смерти». В листе, описывающем тело Карины Варденга, стояло «между 5:30 и 6:00 утра». А в протоколе с информацией о смерти некоего Тома Вайеса отчетливо значилось «8:25» — это время подтверждал бездомный, мимо которого мужчина проходил точно в тот момент, когда его затрясло, скрутило и какой-то «дьяволовой» (по словам свидетеля) силой швырнуло на снег.

Карл снова перечитал материалы. Карина Варденга в предполагаемое время смерти находилась со своим мужем и дочерью — она готовила индейку. А Том Вайес находился где-то в квартале от своего коттеджа, где спали его дочери-близняшки...

Ларкрайт начал смотреть другие дела. Уже через десять минут он обнаружил достаточно простую закономерность: чем дальше находились от детей родители, тем позже они умирали. То же заключение он сделал, просмотрев дела по «второй волне» смертей.

Некоторое время Карл задумчиво смотрел на бумаги. Обнаруженные совпадения ни о чем ему не говорили. По крайней мере пока. Наверно, стоило рассказать об этом Рихарду... а может, поговорить с Чарльзом Леонгардом как с медиком, занимавшимся выяснением обстоятельств массовой гибели родителей?

Но если Ланн узнает об этом, то Карлу не поздоровится. Комиссар не доверял доктору, а

комиссар редко ошибался.

Ларкрайт снял копии с нескольких протоколов, спрятал их в сумку и вышел в коридор. Спайк тут же вскочил и завилял хвостом: за это время он успел изгрызть картонную папку, забытую фрау Вебер. Инспектор поспешным пинком отправил испорченные документы под шкаф и вместе с псом покинул здание.

Улица встретила его серостью и морозящим дождем — от утреннего чахлого солнца не осталось и следа. Спайк с лаем понесся по дороге: настроение у него было намного лучше, чем у хозяина. Карл слегка ускорил шаг, ему хотелось поскорее вернуться в свою квартиру. И он был благодарен Рихарду за то, что тот позволил ему не возвращаться на работу вечером, а прийти только следующим утром.

Чтобы добраться до своего дома, Карлу нужно было почти час ехать по линии наземного метро. Таких веток было всего две, и только они прорезали город почти насквозь, начинаясь в одних нищих окраинных районах и заканчиваясь в других — столь же нищих. Хотя, в общем-то, теперь уже почти все районы города можно было назвать нищими.

Спайк перепрыгнул через низкий турникет и остановился у ведущей на платформу лестницы. Ларкрайт мельком глянул на дремлющую в своей будке пожилую смотрительницу и бросил в специальную щель медный жетон, звякнувший где-то в железных недрах допотопного механизма.

Высокая платформа продувалась всеми ветрами. Дождь усилился, Карл спрятал нос в воротник и ссутулился. Голова у него немного кружилась от почти бессонной ночи и плохого алкоголя. Он на пару секунд опустил веки, а вновь открыв глаза, неожиданно увидел, как далеко впереди, за станцией, по дороге несется черный автомобиль на огромных красных колесах. Такая машина — неуклюжая, но мощная, собранная из деталей множества других, как чудище Франкенштейна из частей тела разных людей, — была на его памяти всего одна. И она принадлежала Котам. Ларкрайт нахмурился: возвращение этих двоих в город не сулило ничего хорошего. Никому, а особенно крысятам. Вот об этом точно нужно было предупредить Рихарда: Джина и Леон Кац стояли в его личном списке врагов на втором месте — после Чарльза Леонгарда.

Но слишком долго думать о Котах он не смог: глухое гудение сообщило о прибытии поезда — как всегда, почти пустого в это время. Карл на всякий случай придержал Спайка за ошейник, вошел в вагон и, опустившись на сиденье, повернулся к мокрому окну. Некоторое время смотрел сквозь пелену дождя на дома, потом отвел взгляд. Откинулся на спинку, вытянув ноги, и прикрыл глаза. Краем уха услышал недовольное ворчание Спайка, а потом звук, будто что-то тяжелое упало на сиденье. Он приоткрыл глаза... это запрыгнул пес и улегся рядом, немного поцарапав обивку лапами. К счастью, в вагоне не было людей, и никто не стал возмущаться по этому поводу. Хотя желание возмущаться обычно исчезало, стоило взглянуть на форменное пальто Карла.

Глаза у Ларкрайта слипались, и, как он ни старался держать их открытыми, ему этого не удавалось. Он ощутил, что голова сама клонится вниз, и в последний момент подхватил свалившиеся очки. Мелькнула неожиданная мысль: Рихард был бы рад, если бы они разбились, эти очки его раздражали. Тем более комиссару было известно, что Карл неплохо видит и без них. Но все же для того, чтобы выстрел по дальней цели был максимально точным, зрение было недостаточно острым. А стрельба могла понадобиться в любую минуту. И к черту Рихарда с его привычкой придирается ко всему, особенно если это «все» имело отношение к Карлу. Инспектор нахмурился и начал тереть пальцами виски — уже не столько

борясь со сном, сколько пытаюсь выкинуть из головы комиссара.

Задумавшись, Карл чуть не проехал свою станцию, но объявление безэмоционального и бесполого голоса вернуло его в реальность. Он быстро вскочил, шлепнул по загравку Спайка, вышел из вагона, спустился с платформы и пошел по улице. Пес трусил рядом, постоянно забегая вперед и бесцеремонно обнюхивая редких встречных прохожих. Возле подъезда он остановился и, задрав морду, стал наблюдать, как инспектор набирает код — тому даже показалось, что пес пытается запомнить цифры.

В подъезде кто-то вновь вывернул почти все лампочки. Карл поднялся на второй этаж, ощупью открыл дверь и вошел в квартиру — тихую, не многим более светлую, чем лестничная площадка, и почти лишенную мебели. Комнат тут было две, хотя вторая размерами едва превышала чулан, и обычно Ларкрайт туда даже не заходил.

Захлопнув дверь, инспектор наконец позволил себе тяжело привалиться к стене коридора и сползти по ней на пол. Это уже вошло в привычку — некоторое время сидеть в темноте, поджав колени к груди и запустив в волосы пальцы. Так он «сбрасывал» накопившиеся мысли и эмоции. Вернее, пытался сбросить.

Но сейчас это не помогло, Карл встал, щелкнул выключателем — загорелась лампочка в комнате — и отправился в душ, на ходу включая радио, но даже не прислушиваясь к его бормотанию.

Стоя под струями относительно теплой воды, он пытался не думать. Но мысли метались — от комиссара к Вэрди. Снова к комиссару. И куда-то очень далеко. Домой.

Карл взглянул в прямоугольное зеркало и снова увидел следы старых ожогов на плечах. Ему тогда очень сильно повезло, что Рихард оказался рядом и вовремя вытащил его из огня. Ведь это была случайность, самая настоящая. И если бы не она...

Он резко выпрямился, в последний раз посмотрел на свое отражение и, завернувшись в полотенце, вышел в коридор.

Радио продолжало бормотать, кажется, что-то о погоде. Спайк хрустел остатками корма на кухне. Настенные часы, оставшиеся от прежней хозяйки квартиры, гулко пробили три часа. Казалось, все было обычным, вот только...

Сквозняк. Очень странный, похожий на чье-то дыхание, но продирающий до костей. Карл поежился. Ему показалось, что пол под его ногами дрогнул. Отступив на шаг, инспектор, сам не зная зачем, вынул из кармана пальто пистолет: сегодня он решил нарушить устав и не стал сдавать его. Ларкрайт внимательно огляделся и тихо спросил:

— Кто здесь?

Невесомая ладонь коснулась плеча. Карл резко обернулся и... шарахнулся назад.

Высокая седая дама в голубом дождевике маячила в нескольких сантиметрах над полом. Сквозь даму виднелись окно и тумба с маленьким черно-белым телевизором. Инспектор замер, потом потер глаза. Видение никуда не исчезло, продолжая покачиваться. Губы разомкнулись, и Карл услышал голос:

— Идите за мной. Я не причиню вам вреда.

— Куда? — прошептал он, медленно и осторожно подходя и придерживая полотенце на поясе. — Прямо сейчас?

Дама заметила его жест и неожиданно улыбнулась, заливаясь легким чахоточным румянцем. От этого Ларкрайту вдруг стало спокойнее: раньше он никогда не встречал живых мертвецов, но что-то подсказывало ему, что злобные призраки-убийцы не краснеют. Он подошел к шкафу и начал одеваться, в глубине души надеясь, что к тому моменту, как он

закончит, привидение куда-нибудь пропадет.

Но когда он обернулся, дама все еще витала на прежнем месте:

— Нам надо спешить. Идемте.

— Куда?

— Нет времени, — она уже выплывала в коридор. — Ей нужна помощь.

— Кому?

Ларкрайт последовал за ней и тут же услышал лай Спайка: тот выскочил из кухни, подпрыгнул, попытавшись схватить даму за край дождевика, и неуклюже впечтался боком в стену. Карл придержал его за холку, с невольным удивлением отметив, что пес совершенно не боялся: ему просто хотелось поиграть с незнакомкой.

— Куда мы идем?

Дама уже не стала тратить времени на ответ и просочилась сквозь входную дверь. Секунду или две Ларкрайт колебался, потом решительно отодвинул засов, выпустил пса и сам вышел на лестничную площадку.

На улице по-прежнему шел дождь, и стало еще темнее. Но прохладное голубоватое мерцание инспектор увидел почти сразу. Дама вела его через улицу в сторону окраин. Вздохнув, Карл последовал за ней. Оставалось только надеяться, что она не ведет его к другим, куда менее дружелюбным, духам.

В логове Ала не оказалось. Я ждала его около часа, постепенно начиная волноваться. Потом переделалась в привычную одежду и, жалея, что не попросила Сильву задержаться, отправилась обратно в город.

Несколько мальчишек рвались отправиться на поиски Алана вместе со мной, но меньше всего на свете мне хотелось, чтобы потерялся кто-то еще, а такая вероятность была всегда. Особенно сегодня, когда о нашем визите в магазин наверняка знала уже вся округа. И я пошла одна.

Поравнявшись со щитом, я накинула на голову свой ушастый капюшон. Мне предстояло перемещаться, не привлекая к себе внимания, и красная толстовка плохо подходила для этого... но другой сухой одежды у меня не было. И я решила, что яркость сыграет на руку: давно поняла, что чем старательнее скрываешься, тем с большим любопытством за тобой наблюдают и наоборот.

Возле магазина я Алана не обнаружила, как не обнаружила его и на соседних улицах. Людей тут вообще было немного — все либо прятались в домах, либо работали ближе к центру.

— Ал! — на всякий случай позвала я и, разумеется, ничего не услышала.

Я дошла до ближайшего полицейского участка — если Ала поймали, он должен был тут засветиться. И наверняка бросил бы где-то шестеренку — именно их он всегда оставлял, когда хотел предупредить о чем-то. Шестеренки я не увидела, зато заметила — двое «быков» курили на крыльце, обсуждая какую-то футбольную команду. Я некоторое время прислушивалась, прячась за углом, но вскоре решила продолжить поиски.

Куда Ал мог пойти? Зная его — куда угодно. От продуктового магазина до склада с динамитом, если таковые в городе еще были. А может, его снова потянуло в НИИ искать неприятности? Или...

Низкий рев прервал мои размышления. Из-за большого дома вылетел огромный черный автомобиль на красных колесах и резко затормозил, раскрошив асфальт. Я шарахнулась в сторону и сразу поняла, на кого нарвалась. Коты.

Леон и Джина Кац тоже относились к нашему, крысиному поколению. Вот только на момент Рождества им обоим уже было по восемнадцать лет. Они жили в одном из окраинных деревянных домов, с какой-то глухонемой бабкой, которая даже не приходилась им родственницей и умерла за пару дней до того, как все случилось, — вина близнецов в этой смерти доказана не была.

Может, благодаря этому за Джиной и Леоном никто никогда не гонялся. Зато сами они гонялись за нами и во времена охоты на детей получали за это приличные деньги. Потом, усилиями того полицейского, Карла Ларкрайта, и его приятелей-журналистов, Госпожа Президент остановила охоту и выдворила близнецов из столицы. С тех пор мы не видели их и надеялись, что они благополучно сдохли в какой-нибудь канаве. Но теперь парочка вернулась, и, кажется, с вполне определенными целями.

Точно каким-то чутьем, они всегда находили места, где мы прятались, и обожали долгие

преследования. И если широкий, мощный Леон обычно ограничивался одним ударом, то малышка Джина была садисткой — использовала в качестве оружия длинный хлыст.

Однажды, когда она пыталась поймать нас с Алом, он каким-то чудом увернулся от нее, и конец хлыста слишком резко вернулся к хозяйке. Джина лишилась глаза — с тех пор она носила на лице повязку. И за это она пообещала выпустить Алу кишки.

Дверца машины распахнулась, Джина выпрыгнула на мокрый асфальт. Она двигалась легко и действительно напоминала кошку. Я вжалась спиной в стену, стараясь не дышать. Только бы они не заметили! Девушка остановилась, поправила собранные в пучок темные волосы и обернулась к брату:

— Жди.

Ответа я не услышала. Леон вообще говорил очень мало. Они с Джиной называли себя «близнецами». Но черта с два, чтобы я в это поверила. Она была тоньше его раза в два и казалась младше. А он сложением напоминал медведя. И что-то подсказывало мне, что их отношения не были братско-сестринскими.

Джина прошлась вдоль дома, остановилась и набрала какой-то номер на мобильном телефоне:

— Мы в городе.

Ей что-то ответили:

— Уже сегодня? К чему такая спешка? Никуда они не денутся. Поймаем сколько нужно. Только смотрите, мы не меняем расценок. Пять тысяч марок за одного.

Я напряженно прислушивалась: о чем это она говорила, интересно... не Ланна ли мы вывели из терпения, что он решил нанять Котов для охоты?

Задумавшись, я не заметила, как Джина оказалась в опасной близости от меня. Еще некоторое время она говорила, потом убрала телефон и... резко появилась из-за угла:

— Привет, сестренка, — сказала она.

К привычному обращению она добавила удар в челюсть, от которого у меня подкосились ноги. Здраваться в ответ я не стала: резко рванула вперед, стараясь на бегу прийти в себя. Несясь по улице, я услышала: «Леон, гони!»

Второй раз за день я убегала. Нога по-прежнему ныла, а улица, как назло, была широкой. Поэтому вскоре я без особого удивления различила за спиной рев мотора. Огромная машина перла как настоящий танк. Я надеялась, что Коты хотя бы не будут стрелять, и лихорадочно искала глазами какой-нибудь проулок. Сердце уже билось где-то в горле, а грудь сильно болела. И почему-то впервые пришла мысль: ну почему все это происходит именно со мной? Есть хоть кто-нибудь... кто защитил бы меня? Кто захотел бы защитить?

Я встряхнула головой. Таким, как я, не стоит тратить время на то, чтобы жалеть себя. На глаза попала узкая улочка — и я свернула туда, надеясь, что она не приведет меня в тупик. Я не сомневалась, что Джина обязательно рванет вдогонку, но я могу выиграть хотя бы минуту, чтобы убежать подальше.

— Постой, детка! Мы просто отвезем тебя к доктору!

«Сама сходи к доктору, тварь», — подумала я, но промолчала: голос доносился издалека, и пусть она думает, что я еще дальше. Я свернула в еще один закоулок, потом проскочила в какую-то подворотню и, промчавшись через безлюдный двор, вынырнула с другой стороны. Полминуты постояла, собираясь с силами, и метнулась в следующий проулок — неожиданно короткий. Точнее, я поняла, что он был короткий, уже оказавшись на

грязной мостовой и услышав за спиной ворчание мотора.

Это не была машина Котов, что не помешало ей мчаться на меня, не сбавляя скорости. Я почувствовала удар в бок: автомобиль задел меня и унесся еще до того, как я рухнула в грязь.

«А ведь я обещала вернуться...» — подумала я, закрывая глаза.

— Папа, обещаешь? Ты приедешь?

Голосок Аннет, казалось, не только звучал в трубке, но и заполнял всю комнату. Рихард устало улыбнулся:

— Хорошо, вороненок. Я постараюсь.

— Мы с мамой очень ждем.

— Не думаю, что мама меня ждет, — мягко возразил Рихард.

Аннет на том конце провода вздохнула и заговорила так, будто объясняла что-то очень глупому человеку:

— Ну ладно... я жду. Я соскучилась, я тебя вижу раз в год.

— Я постараюсь, вороненок, — Ланн почувствовал привычную усталость. — Если доберусь до вас через такой снег и если мне не придется задержаться на работе. Знаешь же, в Рождество всем хочется домой.

— А тебе не хочется?

— Хочется, милая.

На этот раз Рихард не соврал. Домой ему хотелось. Вот только старый дом в пригороде, где жила его бывшая жена с дочерью, он давно уже перестал считать своим. И ничего удивительного, что в ту ночь он так и не приехал, понимая, что очередной порции осуждающих взглядов Виктории Ланн просто не выдержит: сорвется, наорет, напугает дочь — единственное существо, которое хотя бы пыталось его любить и которое он так же пытался любить.

Его доконала тяжелая работа, связанная с резким всплеском преступности: страну, готовившуюся выбирать нового президента, лихорадило. И лучше было немного расстроить Аннет, чем совсем испортить ей Рождество.

— Вороненок, не сердись... завтра ты найдешь под елкой подарок.

Книги. Много-много дорогих книг из лучшего магазина — весь длинный список, который Аннет составила за год. Она обожала книги. И прежде чем читать, нюхала их страницы, становясь в такие минуты похожей на маленького зверька.

Аннет его простила. Она всегда его прощала. И Рихард прямиком отправился домой. Рождество он провел в обществе бутылки хорошего виски. И просто отключился, выпив лишь половину. А под утро был этот звонок.

Он с трудом нашарил трубку и теперь все никак не мог понять, что случилось.

— Рихард, она убивает меня...

— Кто? — трясая головой, спросил он.

— Эта девчонка... помоги...

— Виктория, что за...

— Помоги, Рихард! — голос у нее прыгал, точно воздух то попадал в легкие, то почему-то не находил туда дороги. — Они рвутся. Он был прав! Я чувствую. Я...

И тишина. Напрасно Ланн звал жену по имени. А потом...

— Папа... — голосок в трубке звучал очень глухо. — Прощай. Гудки. На секунду Рихарду

показалось, что у него сейчас остановится сердце. Но ждать, случится это или нет, он не стал. Быстро набрал сначала номер скорой, потом номер полиции. Мельком глянул на часы: было ровно 5:23 утра.

Больше он никогда не видел свою дочь.

Рихард вздрогнул и потер лоб: сон-воспоминание был не самым приятным. Настолько, что раз за разом он просыпался в холодном поту.

С некоторым усилием он встал с дивана и уже собирался поставить на плиту чайник, когда раздался звонок в дверь. Рихард, мысленно проклиная всех, вышел в коридор и, как обычно не глядя в глазок, отодвинул засов.

— Привет, Ричи.

На пороге, улыбаясь, стояла Госпожа Президент. В руке она держала большой пакет, из которого торчала палка колбасы. Рихард усмехнулся:

— Здравствуй, Гертруда. Ты по-прежнему уверена, что я голодаю?

Она окинула его взглядом: от голого торса — по дому он всегда ходил только в старых джинсах — до пальцев босых ног:

— Судя по тому, что ты по-прежнему не разжирел и в прекрасной форме, я недалеко от истины. Впустишь?

— А родина? — хмыкнул он, оглядывая дорогой костюм и безукоризненную прическу, никак не желавшие сочетаться с дешевым магазинным пакетом.

Она молча сделала шаг, оттеснила его бедром и вскинула брови:

— Родина подождет. Президент устал.

Это она говорила всегда.

Карл знал Гертруду Шённ уже почти сорок лет — с младшей школы. Она была его лучшим другом — в классе, в университете, в полицейском управлении, куда они вместе пришли работать. Потом был недолгий период абсолютного, казалось бы, счастья — они одновременно влюбились, завели детей и стали дружить семьями. Казалось, все должно было так и остаться... а вместо этого пошло под откос, но об этом Ланн вспоминать не любил.

Потом в один прекрасный день Гертруда ушла в политик у. Рихард толком не знал, какими дорогами она поднималась вверх так быстро, но примерно догадывался, с чего именно Гертруда начинала: она всегда была красивой. И такой же дьявольски умной. Поэтому Ланн уважал ее — ведь совсем нелегко проделать путь от домохозяйки до президента. А она проделала. Хоть и осталась в итоге на развалинах. Впрочем, на развалинах они теперь были вместе. Трое из четверых. Четвертая умерла.

И со студенческих времен они, встречаясь, всегда пили пиво и ели бутерброды с колбасой. Менялось время, менялись любовники Гертруды, прибавлялось седины в волосах Рихарда... но это оставалось всегда.

Вот и сейчас он сидел за столом, наблюдая за ножом в ее руках. И думал о том, что, наверно, он единственный человек в стране, кому Госпожа Президент специально нарезает колбасу такими толстыми ломтями. Гертруда Шённ улыбнулась:

— Как работа? Выматывает?

— Ничего, — он неопределенно пожал плечами и открыл две стоящие на столе бутылки пива. — Бывало хуже. А... твоя?

— Сам видишь, — голос звучал тускло и безнадежно. — Я на ней сдохну.

Она разложила горку бутербродов прямо на широкой деревянной доске и села напротив Рихарда. Он протянул руку и накрыл ее маленькое запястье ладонью:

— Нет, старушка. Не допущу.

Она рассмеялась, качая головой, и отпила пива. Со вздохом заглянула в горлышко бутылки, точно ожидая увидеть там возможное решение своих проблем, и медленно начала, подаваясь вперед:

— Рихард... Служба разведки мне кое-что сообщила...

— У тебя все еще есть служба разведки? — с невольным удивлением спросил Ланн.

Она откусила сразу половину бутерброда, некоторое время жевала, осуждающе глядя на комиссара, и наконец гордо произнесла:

— У каждого президента есть служба разведки. Так вот... Наши западные друзья засылают к нам шпиона. Точнее, собираются. В ближайшее время. Псевдоним — Красная Гроза.

— Красная, говоришь? — заинтересованный Рихард даже отставил бутылку. — В таком случае ты уверена, что друзья *западные*?

— Более чем. Но ты верно угадал, наш гость из *бывших*.

— И ты желаешь, чтобы я отследил его появление и застрелил раньше, чем он что-то разнюхает? Для этого у тебя есть служба...

— Нет, Рихард... — она усмехнулась. — Я хочу, чтобы этот человек попробовал сделать именно то, для чего его и отправляют. Попался мне. Я хочу приручить его.

— Дальновидно, — Рихард, немного успокоившись, одобрительно улыбнулся: — Свой чужой шпион никогда не помешает. А когда ожидается гость?

— Пока не знаю. Скоро. Но пока забудь о нем, — она отодвинула доску и, положив руки на стол, опустила на них голову: — Как же у тебя одиноко, Рихард... Как ты тут живешь? Заведи себе кого-нибудь. Девушку... — на лице появилась хитрая улыбка, — или хоть собаку.

— Не надо, — коротко сказал Ланн.

На секунду изящные брови удивленно приподнялись. Потом Госпожа Президент снова улыбнулась и вздохнула:

— А ты не меняешься. Мой большой злой волк.

Она отошла к окну. И только тогда, обернувшись через плечо, спросила:

— Как там Карл? Ты не жалеешь, что он теперь твой помощник? Не обижаешь?

Рихард потянулся за сигаретами. Ответить ему было нечего. Гертруда Шённ по-прежнему наблюдала за ним. Потом вернулась к столу, наклонилась, почти вплотную приблизив губы к его лицу, и прошептала:

— Я люблю тебя, Рихард. Очень. Но если я узнаю, что...

— О чем ты?

Она выпрямилась, не сводя с комиссара взгляда:

— О том, что людей не спасают из огня, чтобы потом издеваться над ними. А я очень хорошо знаю, как ты умеешь последнее. Ричи, не забывай, к этому человеку у меня особое отношение. Ты ведь помнишь, кем был его отец. Так вот, если с герром Ларккрайтом что-то случится по твоей вине... или по чьей-либо еще, а ты не помешаешь... я убью тебя. Припомню все мелкие нарушения устава, которые ты допускал, и их будет достаточно для расстрела. После этого я продолжу тебя любить, но тебе уже будет все равно.

Он невольно улыбнулся:

— Не горячись. Я стараюсь. Просто с ним тяжело.

Гертруда смотрела сверху вниз:

— Какой ты все-таки дурак, Рихард.

Он пожал плечами:

— Может быть. Но за это не расстреливают.

Она медленно направилась в коридор и уже у двери ответила:

— К сожалению. И не нужно меня провожать.

Можно сказать, что мое пробуждение было приятным. Потому что впервые за последние четырнадцать лет я проснулась в кровати, на подушке и накрытая одеялом. Правда, у меня немного ныла челюсть — напоминание о встрече с Котами. Но все остальное, казалось, было в порядке. Кто-то обработал мои ссадины, и теперь они почти не болели.

На улице по-прежнему было темно, и времени могло быть как десять вечера, так и шесть утра. Почему-то мне хотелось верить, что сейчас все же десять. Может быть, Карл Ларккрайт тогда не выгонит меня из своего дома сразу?

Я слабо помнила, что произошло, когда почти потеряла сознание от удара. Кажется, Джина с Леоном меня все же догнали, и брат уже собирался взвалить меня на плечо, в то время как сестра стала кому-то звонить. И в этот момент на нее прыгнула здоровенная рыжая собака. Точнее, собака лишь показалась мне огромной, а потом я узнала Спайка, сеттера инспектора Ларккрайта. Но даже тогда я и подумать не могла, что он сам появится из-за угла. Потом я помнила какими-то обрывками — он нес меня на руках по какой-то лестнице, а в темной душной комнате его пес лизал мою руку. На этом поток смутных образов обрывался окончательно.

Я села, свесив ноги с кровати. Помещение, где я спала, было совсем маленьким, почти чулан. Из-под двери пробивался свет: в другой комнате работал телевизор, и я невольно прислушалась. Стрельба, мужские голоса... Инспектор Ларккрайт наверняка любит гангстерские фильмы. Надо сказать ему спасибо.

Я осторожно открыла дверь и оглядела помещение — чуть более просторное, но так же скудно обставленное: телик, стол, шкаф, стеллаж с книжками, огрызок ковра, на котором спал пес, и большой очень старый диван. На экране телевизора действительно стреляли, бегали, ругались и целовались. Я приблизилась к дивану, где сидел, поджав ноги, хозяин квартиры, и осторожно опустилась на самый край:

— Ну... здравствуйте.

Я говорила тихо и прикрывала рот рукой. Мне не хотелось, чтобы он брезгливо отодвинулся. Но он улыбнулся мне и ответил:

— Привет, Вэрди. Полегче?

— Да, спасибо, — я устроилась удобнее и стала рассматривать инспектора — растрепанного, какого-то невыспавшегося и с синяком на скуле. Заметив синяк, я спросила: — Леон?

— Ерунда, — Ларккрайт пожал плечами. — Эти двое боятся пистолетов, поэтому драться врукопашную мне пришлось не так уж долго.

— Да, они не пользуются оружием, — медленно ответила я. — Теперь. Потому что кто-то хочет ловить нас живыми.

— Кто? — насторожился он.

— Не знаю, эта тварь так сказала, — произнесла я, имея в виду Джину.

Инспектор, видимо, хотел сделать мне замечание, но передумал: снова стал смотреть на экран.

— Как вы меня нашли? — любопытствовала я.

— Привидение привело, — просто сказал он. — Такое синее и старое.

«Карвен волновалась... наверное, она его и прислала...» — от этой мысли стало теплее, и я улыбнулась. Потом поспешно пообещала:

— Я сейчас уйду скоро, вы не думайте, и... я не заразная, не бойтесь.

Он снова повернул ко мне голову и посмотрел как будто с недоумением:

— О чем ты? Если хочешь уйти, то только утром, когда будет безопаснее. И поверь, мне ли не знать, что все вы здоровы. Чувствуй себя как дома.

— Правда можно? — удивленно спросила я.

Он кивнул:

— Конечно. Не бойся.

Гангстер на экране пропел какую-то тягучую бранную фразу и открыл огонь по толпе полицейских.

— Тогда... может быть, вы есть хотите? Я могу что-нибудь приготовить, если у вас холодильнике что-нибудь найдется.

— Что-нибудь наверняка есть, — усмехнулся он. — Но я не хочу. А ты бери все, что найдешь.

На кухне, почти такой же тесной, как и вторая комната, я провела минут пять: просто сделала себе бутерброды — кажется, впервые за пять последних лет на белом хлебе, с настоящей колбасой и сыром. Потом вскипятила чайник и заварила чай. Вернувшись в большую комнату, протянула инспектору Ларкрайту чашку:

— У вас замученный вид.

— Спасибо, — он глянул на меня с удивлением, но чашку взял.

Я еще раз сходила на кухню, принесла бутерброды и кружку для себя и опять опустилась на диван. Фильм про гангстеров продолжался, и я стала смотреть на экран. Только сейчас я подумала, что в последний раз видела вблизи телик четырнадцать лет назад — когда жила с родителями. Мой отец тоже любил кино с перестрелками, а я обычно смотрела мультики — хотя как сказать, обычно, их ведь тогда особенно не показывали. А сейчас, наверно, вообще не показывают — зачем они нужны в стране, где почти нет детей?

Инспектор Ларкрайт словно прочел мои мысли: взяв пульт, он переключил канал, и по экрану забегали нарисованные звери. Я невольно улыбнулась и начала разглядывать их — крот, мышь и какой-то невразумительный еж носились по лесу под радостную мелодию. Слишком радостную.

— Переключите обратно, — негромко попросила я. — Вы ведь не любите мультики. А я за четырнадцать лет, наверно, из них выросла. Они нелепые.

Он вернул на экран гангстеров, и я снова занялась бутербродами. Взглянув на инспектора краем глаза, заметила, что он, нажав кнопки, с недоумением уставился на экран громоздкого мобильного телефона, какие я иногда видела у взрослых. Некоторое время я сдерживалась, потом осторожно придвинулась и взглянула на светящийся зеленым экран. В центре темнели маленькие буквы сообщения: «Как ты?»

— Родители? — поинтересовалась было я, но тут же осеклась, различив над сообщением еще одну надпись: «Отправитель: Рихард Ланн». — О... простите. Не подумала бы, что он о ком-то может волноваться.

Он меня не услышал и переспросил:

— Ты что-то сказала?

— Нет, так, мысли вслух, — отозвалась я, снова начиная внимательно его рассматривать. — Это, наверно, здорово, когда за тебя хоть кто-то волнуется. Даже мерзкий полицейский. У вас нет другого, настоящего отца?

Он молча отпил чая из чашки. Ответ был очевиден. Я допила свой и встала:

— Ладно. Я посплю еще несколько часов и уйду. А то обо мне будут волноваться.

Инспектор Ларкрайт взглянул на меня чуть внимательнее и покачал головой:

— Завтра утром я поеду на работу. Ты выйдешь из дома только вместе со мной, я должен быть уверен, что с тобой ничего не случилось. Если попробуешь убежать ночью, Спайк тебя не выпустит. Будет лаять полночи. Но лучше не буди меня. Все поняла?

Я невольно улыбнулась: так за меня уже долго никто не переживал. И кивнула:

— Как скажете, герр Ларкрайт. Спокойной ночи.

— Спокойной, Вэрди, — он сделал телевизор тише.

Я вернулась в маленькую комнату и легла на кровать, закутавшись в одеяло. Для меня это было такой странностью... В поезде я обычно заворачивалась в драное покрывало, как в спальный мешок, и накрывалась им с головой, чтобы поскорее уснуть и не успеть замерзнуть. А здесь можно было растянуться. Почувствовать всем телом пусть и не слишком мягкий, но чистый матрас. А утром я обязательно приму душ, потому что мыться нагретой водой из озера совершенно невозможно. На этой прозаической мысли я и уснула.

После драки с Котами — да и вообще после всего прошедшего дня — он чувствовал себя совершенно разбитым, правда, скорее морально, чем физически. Синяк на скуле его совершенно не беспокоил, как не беспокоило и обещание Джинны найти его и выпотрошить. От одного воспоминания о поспешном бегстве Котов Ларккрайт невольно усмехнулся. И пожалел, что не всадил в спины брата и сестры по пуле.

Сейчас, в сухой утренней тишине, Ларккрайт лежал и смотрел в потолок, думая о том, что сказать Рихарду, когда...

Грохот посуды на кухне заставил вздрогнуть и рывком сесть. Спайк вскочил и завертел головой. Потянув носом воздух, подбежал к двери в коридор и начал скрести деревянную поверхность лапой.

Девчонка... За несколько часов сна Ларккрайт совершенно забыл о ней. А сейчас она как-то ухитрилась проскользнуть мимо него и, видимо — судя по запаху, — решила похозяйничать на кухне. Карл свесил ноги с дивана и провел ладонью по лбу, отгоняя остатки сна. Поднялся и, пройдя через комнату, открыл дверь — Спайк тут же рванул в коридор. Почти сразу раздались радостные, совершенно детские вопли, которыми Вэрди его приветствовала.

Когда минут через двадцать сам Карл, уже одетый и чувствующий себя намного бодрее, зашел на кухню, девочка расставляла на столе тарелки с яичницей и чашки, в которых дымился черный кофе. Подняв на инспектора глаза, она робко улыбнулась:

— Надеюсь, вы не против? Я в последний раз готовила на плите лет... много назад.

— Конечно, нет, что ты. — Карл улыбнулся: — Спасибо. Как спала?

Вэрди вздохнула и протянула ему вилку:

— Очень хорошо. Та к мягко и так тихо... ну, в общем, здорово.

Она села за стол и, опутив взгляд, начала ковыряться в тарелке. Яичница получилась вкусная, но сама девочка, казалось, совершенно не хотела есть. Карл внимательно наблюдал за ней, примерно догадываясь, о чем именно думает его гостя, но не решался с ней снова заговаривать. Наконец он все же спросил:

— Как ты живешь... там?

Она отпила кофе и, подумав немного, тихо и коротко ответила:

— Нормально. Привыкла. Только холодно иногда.

— Может, тебе что-нибудь нужно? — испытывая некоторое смущение, все же поинтересовался Ларккрайт. — Вещи... или еда, или лекарства... а может, деньги? Я могу тебе помочь, я...

— У нас все есть, спасибо.

Сейчас Вэрди смотрела прямо ему в глаза. Хмуро, внимательно и серьезно. Она была очень красива, и Ларккрайт невольно любовался. Но, конечно же, больше всего... он просто жалел.

— Слушай, Вэрди...

— Да, герр Ларккрайт? — в голосе был тот же холод, что и в глубине глаз.

— Если хочешь, ты можешь остаться.

Темные брови удивленно поднялись:

— Что?

— Совсем. — Карл обхватил ладонями свою чашку. — Просто так. Я отдам тебе вторую комнату. Правда... придется прятать тебя от хозяйки квартиры, но...

Девочка с прежним непониманием смотрела на него. Потом губы скривились в нервную усмешку, и Карл, решив, что догадывается, что ее вызвало, покраснел и поспешно продолжил:

— Не думай. Я не хочу... то есть я не собираюсь делать с тобой что-то...

— О чем вы? — вяло поинтересовалась Вэрди, отодвигая тарелку.

— Ты знаешь, — теперь настала очередь Карла опустить взгляд.

— Нет, не знаю, — она покачала головой. Потом вдруг расхохоталась: — А... вы хотите сказать, что мне не придется с вами спать?

Сказано было прямо и резко, Ларккрайту осталось лишь кивнуть. Вэрди продолжала смеяться, почесывая подошедшего Спайка за ухом. Пес довольно прикрыл глаза, лишь изредка посматривая на хозяина — как казалось Карлу, с осуждением. Наконец, отсмеявшись, Вэрди тяжело вздохнула:

— Спасибо. Но нет. Вы очень добрый, я не хочу, чтобы вы из-за меня чем-то рисковали. Репутацией, здоровьем... плевать.

Ларккрайт поставил локти на стол и чуть подался вперед, стараясь, чтобы слова звучали как можно более убедительно:

— По улицам опасно ходить таким, как ты, Вэрди. Особенно теперь. Я не хочу, чтобы то, что случилось вчера...

— Я просто буду осторожнее, — оборвала его девочка, упрямо сдвигая брови. — Я смогу.

— Но...

— У меня есть ответственность, герр Ларккрайт, — голос звучал непреклонно. — Как и у вас. И давайте каждый останется при своем. Не нужно делать и думать о глупостях.

Инспектор тяжело вздохнул. Прежде всего из-за того, что чувствовал, с каким трудом даются Вэрди эти слова. Она хотела остаться — в нищей, но теплой квартире, хотя бы под минимальной защитой. Все это было написано на ее лице. Но там же было написано и то, что Ларккрайт не сможет ее переубедить. По крайней мере сейчас.

Вэрди позволила дойти с ней только до лесополосы и заграждений, возвещавших об опасной зоне. Здесь они остановились. Девочка потрепала по макушке Спайка, потом улыбнулась инспектору:

— Спасибо большое... за все. Меня никогда не спасали. И уж точно никто не звал к себе жить.

Карл, чувствуя резкие порывы ветра, поднял воротник:

— Ты всегда можешь вернуться... помни об этом, — и протянул ей небольшой лист бумаги. — Мой номер. Звони, если...

Она быстро скомкала бумажку и спрятала в карман:

— Хорошо, буду знать.

Не позвонит. Конечно, не сделает этого, никогда. И не только потому, что у нее нет телефона, для этого в конце концов есть городские автоматы. Карл нахмурился:

— Обязательно звони. Я всегда тебе помогу. Обещаешь?

— Обещаю.

Она держала руки за спиной, Ларккрайт был уверен, что пальцы скрещены. И все же сделал вид, что поверил, улыбнулся:

— Береги себя.

Она сделала шаг навстречу и обняла его:

— И вы тоже.

Девочка в красной толстовке отстранилась, не позволив обнять себя в ответ, и быстрым шагом направилась вдоль железной дороги.

Не оборачиваться... Уже не в первый раз Рихард Ланн давал себе такое обещание. Там, в прошлом, осталось слишком много неприятных воспоминаний, готовых ожить от совершенно мимолетного соприкосновения с реальностью. Запах, звук, случайно сказанное слово. Пробудить их могло что угодно, и тогда они грызли его очень долго. А иногда им достаточно было, чтобы комиссар просто погрузился в сон.

Он возвращался домой поздно ночью. И ему хотелось лишь одного — лечь и уснуть, веря, что мыслей об Аннет сегодня не будет. Их не прогоняла даже выпивка.

На улицах было тихо и пусто, в прохладном воздухе чувствовалось незримое присутствие зимы. Рождество... очередное Рождество было близко, и жаль, что в их стране этот день больше не считался праздником. Он уже достиг окраин города, где многие дома были заброшены. Здесь не водилось даже бродячих собак и кошек, все, казалось, умерло вместе с детским смехом. Ланн привалился к стене одноэтажного дряхлого дома и прикрыл глаза, собираясь перевести дух прежде, чем идти дальше... и неожиданно услышал рев мотора.

Машина остановилась метрах в десяти — выглянув из-за угла, комиссар Ланн увидел, как из нее выходят люди. Трое в неприметной одежде, с неприметными лицами. Один нес небольшую канистру, а двое других выволакивали что-то с заднего сиденья. Прищурившись, Рихард смог различить человеческую фигуру. Этот четвертый был без сознания: голова клонилась к груди, лицо закрывали патлы слипшихся — видимо, от крови, — волос.

Неосторожное движение — на асфальт, звякнув, упали очки. Один из незнакомцев выругался, подобрал их и спрятал в карман. Вся процессия направилась к болтающейся на одной петле двери того дома, за углом которого стоял Рихард. Комиссар подождал — он догадывался, что времени незнакомцам потребуется немного. Скорее всего, они не станут поджигать само тело, опасаясь криков, а ограничатся тем, что подожгут дом.

Рихард в задумчивости вынул из карманов два пистолета. Один был табельный — с зарегистрированным на имя комиссара номером. Другой, тот, что побольше и с глушителем, не принадлежал никому. Теперь. По крайней мере официально. И даже с затуманенной некоторым количеством алкоголя головой Ланн прекрасно помнил, из какого оружия нужно стрелять. Вводя курок, он с удовлетворением ощущал, что рука у него не дрожит. А тем временем в воздухе уже чувствовался легкий запах дыма. Ланн вздохнул и неторопливо пошел к двери.

По сути, Рихарду было наплевать, кого именно он убивал, — преступников или каких-нибудь чертовых борцов за справедливость, решивших по-тихому расправиться с преступником. Методы и у тех и у других были одинаковыми, и Ланна это не устраивало. Не в его городе. Исход для них был один — три трупа с пробитыми головами: два лежали на проходе в комнату, а один так и остался в уже задымленном коридоре.

Комиссар втащил два тела в коридор, перешагнув через третье и, прикрывая лицо от дыма, решительно направился к ближайшей комнате — той, где пламя, кажется, пылало

ярче всего.

Жертва оказалась молодым человеком с темными волосами. Он лежал в почти замкнувшемся кольце огня, бросавшего на бледное разбитое лицо тени и уже подобравшегося к некогда светлой рубашке. Рихард приблизился и коснулся шеи, ощутив совсем слабый пульс. Но он был. Что ж... кем бы ты ни был, сегодня у тебя хороший день. Комиссар быстро подхватил молодого человека, стараясь поддерживать его голову в относительно ровном положении, и поднялся. Кольцо огня успело замкнуться, но никакого выбора, кроме как идти вперед, не было. И Ланн, по возможности прикрывая молодого человека собой, сделал первый шаг сквозь дым и пламя...

Оказавшись на улице, он жадно вдохнул воздух и тут же осмотрелся: никого, лишь пустая машина. Нужно бы вызывать пожарных, иначе запылает весь мертвый квартал... но не сейчас.

Обожженные руки болели, плащ, который он сбросил и которым старался отгородиться от огня, обуглился... но пульс молодого человека все еще бился. Рихард осторожно опустил на асфальт почти безжизненное тело. Лицо было очень красивым и... знакомым? Да, именно сейчас Ланн вспомнил, где видел его раньше. В газете недельной давности. Перед ним лежал оппозиционный журналист Карл Ларккрайт. Осознав это, комиссар догадался, чьих людей только что убил, и торжествующе усмехнулся: пусть окружающие его Гертруду ублюдки из министерства внутренних дел знают, что свои дела надо делать тихо и чисто.

Рихард начал расстегивать пуговицы на рубашке журналиста, облегчая тому дыхание. Массаж сердца он в последний раз делал лет десять назад, а может, и больше... и ему казалось, что движения рук были слишком грубыми для худой грудной клетки.

— Надеюсь, я тебя не угробил, — прошептал Ланн, снова всматриваясь в лицо.

Ресницы чуть дрогнули. Молодой человек застонал и открыл глаза. Не дожидаясь вопросов, мужчина приветствовал его:

— Комиссар Ланн, криминальная полиция. Кстати... — он помог Ларккрайту приподнять голову и указал на дом: — можешь попрощаться со своими друзьями.

Слабая улыбка тронула разбитые губы, и наконец молодой человек прошептал:

— Спасибо...

В управлении было шумно. Начался обычный рабочий день: кто-то собирался выезжать на ограбление, кто-то вернулся с патрулирования... Всюду плавали клубы сигаретного дыма и слышались оживленные голоса. И это нравилось Ланну куда больше, чем ночное гробовое молчание. Не хватало лишь одного...

— Где инспектор Ларккрайт?

Мила Дайн, рыжеволосая женщина-полковник, неопределенно пожала худыми плечиками:

— Опаздывает. Сильно.

— Чтобы, как придет, быстро ко мне, — комиссар и сам удивился, что его голос прозвучал так раздраженно.

— Хорошо, герр Ланн.

Захлопнув дверь своего кабинета, Рихард первым делом начал просматривать свежие сводки. Красная Гроза... имя не давало ему покоя со вчерашнего дня. Каким образом он мог попасть в их город... произошло это или еще только произойдет? Ведь не так просто пересечь границу незамеченным, но если этот незнакомец действительно хорош...

— Доброе утро, герр Ланн.

Карл стоял в дверном проеме — собранный, аккуратный, с безукоризненно расчесанными волосами... и отчего-то Ланн опять почувствовал раздражение.

— Закрой дверь, — резче, чем сам того хотел, велел он. Молодой человек подчинился и приблизился. Рихард не сводил с него глаз и вдруг заметил на скуле уже успевший потемнеть синяк.

— Так... — произнес тихо и довольно угрожающе, с удовлетворением видя в глубине глаз страх. — И чем же ты занимался ночью? Откуда это?

Ларкرایт сразу понял, о чем именно его спросили, и пожал плечами:

— Ударился о дверь в вагоне.

И даже взгляда не отвел. Рихард усмехнулся. Вновь не без удивления поймал себя на странной мысли: «готов поверить». И ненадолго делает вид, что поверит. В конце концов... это его собственная вина, что инспектор ему не доверяет, он привык к этому. Почему же тогда ему сейчас стало вдруг так погано от этого ровного тона и ясных глаз?

— Жаль... — протянул медленно, поднимаясь из-за стола и идя навстречу.

У Ларкرایта был усталый вид, будто ночью он спал очень плохо, а может быть, вообще не спал. Теперь Рихард увидел и поджившую рану на губе, и сбитые костяшки пальцев. Карл не шевелился, позволяя комиссару так беззастенчиво себя рассматривать. Ланн обошел инспектора по кругу и, подойдя вплотную, остановился. Коснулся рукой подбородка, разглядывая синяк.

— Что случилось?

Почувствовал, как Карл вздрогнул, и сжал его плечо:

— Ну? Я ни за что не поверю, что потом ты бил дверь еще и кулаками.

Ответом было упрямое молчание. Но Рихард готов был подождать еще немного. Карл сдался:

— Я... вступился за одного из крысят.

— И за кого же? — вкрадчиво любопытствовал комиссар, по-прежнему не давая опустить глаза.

— Я... не знаю, он очень быстро сбежал, как только я появился и отвлек их внимание.

— Их... кто эти они?

— Коты.

Ланн разжал руку и отступил. Ответ был ожидаемым, но слишком неприятным, даже для такого мерзкого дня, как этот.

— Какого черта... — Рихард развернулся к столу и взял сигареты.

— Они вернулись несколько дней назад, и... по всей вероятности, они на кого-то работают. Охотятся за крысятами.

Ларкرایт мог этого и не произносить. Разговор с доктором Леонгардом по-прежнему был очень свеж в памяти комиссара. Вот только никаких мер на случай, если ученый вот так просто объявит новую охоту на детей, Ланн не предусмотрел.

И сейчас единственной пришедшей ему в голову мыслью было пойти и все-таки пристрелить этого чертова ублюдка. Но, разумеется, так он поступить не мог. Уже через несколько минут в голове комиссара возникло другое, более разумное решение.

— Ну и кто виноват в том, что меня чуть не убили? Алан, какого черта?

Я была слишком зла, чтобы понижать голос, и сама слышала его будто со стороны — дребезжащий, визгливый голосок маленькой девочки, от которого светловолосый горе-изобретатель лишь сильнее вжимался в стенку вагона, словно побитая собака.

— Я искал тебя, Вэрди! Но...

— Но прежде чем возвращаться в логово, ты решил заглянуть на ту самую свалку, верно? — я сделала шаг навстречу, мимолетно оглянувшись: вокруг нас постепенно собиралась толпа детей, даже Маара таращилась на нас бессмысленным взглядом. — Что еще тебе там надо?

Он лишь отвел глаза, понимая, что пятиться ему больше некуда.

— Так не поступают, Алан! — голоса я больше не повышала, но уже оттого, что я вообще заговорила, Ал сжал кулаки. — Меня могли убить и убили бы, если бы...

Тут я осеклась. Я не была уверена, что всем им стоило знать, с кем я провела вечер и ночь. Мы старались как можно реже светиться перед полицейскими... и в это правило уж точно входил запрет на то, чтобы ночевать в доме полицейского, а утром готовить ему завтрак. И самое скверное — то, что придумала эти правила я.

— Да, кстати, Вэрди... — Ал наконец посмотрел на меня. — А где *ты* была все это время?

Остальные смотрели с таким же любопытством. Я ощутила, что краснею. Конечно, я была лидером и не обязана была отчитываться, но все же...

— Коты гоняли меня по всему городу, когда я пошла тебя искать! — гордо вздернув подбородок, я окинула банду взглядом. — Они вернулись.

Эти слова прозвучали как неожиданный рев полицейской сирены: все подскочили и загомонили одновременно. Кажется, всех охватила самая настоящая паника. У нас почти не было детей, которые не знали бы Джину и Леона. Видя ужас в их глазах, я испытывала какое-то мерзкое удовлетворение. Та к им и надо. Я отступила от Алана и прошлась немного по увядшей траве:

— Так что советую быть поосторожнее. И еще раз напоминаю... — я взглянула на Ала через плечо, — что мы НЕ воруем без моего приказа. Следующий вор будет изгнан из логова навсегда. И следующий, кто захочет выйти в город, должен сначала спросить моего разрешения. Иначе наказание то же. Все все поняли?

Ответом был нестройный гул:

— Да, Вэрди.

Я опустила голову, переводя дух. Мне стало немного легче. Ровно до того момента, пока я не вспомнила утренний разговор с Карлом Ларкрайтом. То, что он предложил мне и от чего я так холодно отказалась, именно сейчас вдруг показалось очень желанным... я могла уйти из этого покореженного поезда навсегда. Не голодать, не мерзнуть и, самое главное, не отвечать ни за кого, кроме себя. Я ведь не лидер. Совсем не лидер. Чувствуя, как к глазам подступили слезы, я закусила губу и тихо спросила:

— Где Карвен?

Ответом было молчание. Потом Ал нерешительно указал в сторону первого вагона:

— У костра. Сегодня ее очередь готовить.

Он, кажется, боялся говорить со мной. Та к же, как я боялась поднять голову, чтобы он не увидел моих слез. И все же я с усилием улыбнулась:

— Спасибо, Алан. Я немного помогу ей. А после обеда ты покажешь мне, во что превратилось то изобретение. Ты ведь доработал его? Не просто же так ты сидел на заднице вместо того, чтобы действительно искать меня?

В глазах зажегся робкий огонек надежды:

— А тебе... правда интересно?

Я кивнула и, развернувшись, направилась вдоль насыпи к костру — туда, где маячило несколько силуэтов. Карвен сидела над большим чаном и чистила картошку — руки двигались быстро и легко, кожа отходила тонкими спиральками. И кажется, Карвен о чем-то думала, она не заметила меня. Я, подойдя сзади, обняла ее — мало обращая внимание на двух девочек помладше, сидевших напротив.

— Спасибо, родная, — прошептала я ей на ухо.

Руки разжимать не хотелось, но я знала, что Карвен не любит нежностей. И поэтому я устроилась рядом, взяв нож и картофелину. Начала срезать кожуру, чувствуя, как нож постоянно пытается вырваться из пальцев: я никогда не умела чистить картошку.

— Как ты узнала, что я влипла? — спросила совсем тихо, но Карвен услышала. Бросила очередную картофелину в чан и посмотрела на меня с легкой улыбкой:

— Почувствовала. Все было хорошо?

Снова вспомнив инспектора Ларкрайта, я некоторое время медлила с ответом. Потом вздохнула:

— Даже слишком. Инсп... — поймав предостерегающий взгляд, брошенный в сторону наших маленьких помощниц, я поспешно поправила: — тот, кого ты позвала, очень добрый. И... — секунду я поколебалась, потом, вздохнув, закончила: — мне даже не хотелось возвращаться.

На бледном лице отразилось что-то, очень похожее на понимание. Карвен взяла новую картофелину в свои тонкие руки и начала вертеть, будто видела этот овощ впервые в жизни.

— Я правильно помню, что он работает с... — она понизила голос, — комиссаром?..

Я кивнула:

— Личный помощник или что-то в этом духе.

— И... как герр комиссар?..

Вопрос был неожиданным, и задавала она его уже не впервые. А еще... в ее глазах я вдруг увидела тревогу. Лишь на секунду, потом выражение лица снова стало сонным, отрешенным. Я пожала плечами:

— Думаю, что прекрасно.

Она промолчала и снова начала чистить картошку. Я нахмурилась:

— А почему ты о нем спрашиваешь?

— Просто так, ничего. — Картофелина полетела в котел. — А Коты... они правда вернулись?

— Правда. Им кто-то платит за то, чтобы они ловили нас. Странно, правда?

— Странно... — тихо отозвалась Карвен. И снова опустила взгляд.

Обед прошел в подавленном молчании. Ребята почти не говорили, и нередко я ловила на

себе не слишком дружелюбные взгляды. От этого становилось еще неуютнее, а чувство беспокойства усилилось. Внезапно у меня мелькнула мысль: а что если Коты найдут наше логово? Ведь они не теряют времени зря... и если нам придется с ними драться, рассчитывать не на что. Мы ведь не Речные, у которых до сих пор осталось какое-то оружие и укрепленная база. Если бы мы могли объединиться с ними... но ведь нам совершенно нечего предложить им. А значит, шансов на их помощь и защиту нет.

Кажется, ребята ждали от меня каких-нибудь указаний, а может быть, обнадеживающих слов. Но я не могла дать им ни того ни другого. И снова все разошлись заниматься своими делами — в воздухе по-прежнему чувствовалось странное напряжение...

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Ни живые — ни мертвые (англ.).

Немецкий аналог английского «коп», прозвище полицейских.